amkodor JOINT-STOCK COMPANY

№10 (25), октябрь 1994

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

БУДЕМ УЧИТЬСЯ У ИСТОРИИ СТРОИТЬ БУДУЩЕЕ

С ПОСЛОМ ПОЛЬШИ В БЕЛАРУСИ ЭЛЬЖБЕТОЙ СМУЛЭК БЕСЕДУЕТ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР "ЕВРОПЕЙСКОГО ВРЕМЕНИ" СЕМЕН БУКЧИН

— Знаете, есть какое-то ощущение, может, чисто субъективное, что до развала Союза отношения Беларуси с Польшей были другими. Они не были отношениями самостоятельных государств, но у меня осталось почему-то ощущение какой-то большей близости. При всех тех комплексах, которые до сих пор отягощают наши отношения, было ощущение прежде всего близости культурной... Речь не идет только о том, что мы все читали «Кобету и жиче», журнал «Фильм», что мы любили ваших актеров, что на западе Беларуси смотрели ваше телевидение, что Польша для нас была известным мостом в Европу, но все-таки было и это... А сейчас, при всем том, что два самостоятельных государства установили контакты, у нас работают польские экономические представительства, проводятся какие-то конференции, и прочее, у меня ощущение, что мы как-то отдаляемся. Видимо, сказывается расширяющаяся между нами пропасть в области экономических преобразований. Может быть, это субъективное и неверное мнение, если вы его опровергнете, я буду этому только рад.

— Я считаю, что оно действительно субъективное, и отчасти вы сами себе противоречите. Ведь, например, польское телевидение смотрят в западных областях Беларуси по-прежнему, а стало оно многообразнее и интереснее. При этом, если налажены дипломатические отношения, если есть стремление к контактам в экономике, то думаю, что имеются все возможности для того, чтобы их развивать. Одно я могу сказать с убеждением: между нами нет никаких естественных противоречий. Есть только проблемы с обеих сторон, которые, безусловно, следует решать. Что касается экономики, то здесь, конечно, Польша пошла значительно дальше в развитии рыночной экономики. Это делает еще более насущной необходимость решения правовых и других прагматических проблем сотрудничества.

— Не затянулся ли этот процесс? Решения наших общих проблем...

— Хотелось бы, конечно, чтобы он шел быстрее... Но для этого нужны конкретные действия и реальная заинтересованность белорусской стороны. Как показывает практика, конкретные экономические и торговые предложения польских государственных и частных предпринимателей остаются часто без ответа. А, например, торгово-экономическое отделение нашего посольства работает в очень тяжелых условиях: до сих пор не удалось снять или арендовать в Минске более удобное и репрезентативное помещение.

У нас складывается такое впечатление, что некоторые ответственные лица (независимо от изменений в правительстве) с большим интересом обращаются к более отдаленным, западноевропейским или иным странам, чем к ближайшему соседу. Иногда польскую продукцию покупают при посредничестве иностранных фирм.

— Есть примеры?

— Вот факты: наши соки поступают к вам через Германию, средства защиты растений — через Швейцарию и Австрию...

— Может быть, в сфере культуры дела обстоят лучше?

— Здесь можно упомянуть о многом... Возьмем, к примеру, контакты между театром Янки Купалы и театром Венгерки в Белостоке. Постановки, которые здесь создавались польскими режиссерами, и польские пьесы, которые ставили ваши режиссеры, шли при полном аншлаге, с большим успехом. Было несколько камерных, очень интересных польских концертов в Беларуси, концерты старинной музыки, фестиваль фильмов Занусси, выставки современной польской книги...

— Да, гастроли, концерты — это интересно... Но если говорить шире — об отношениях Беларуси и Польши, то мы ведь знаем, что они отягощены определенными комплексами. Эти комплексы проникают нередко в печать, в белорусскую и в польскую. Есть очевидная проблема установления исторической правды в отношениях наших народов... Когда я читаю польскую печать, мне кажется, и это не комплимент, что польские публицисты более строги к себе. Не то чтобы они более правдивы, но, мне кажется, они находятся в поиске... В то время, как мы еще, в основном, руководствуемся штампами какими-то по отношению к Польше. Каким вам видится преодоление этих комплексов, этих темных пятен, которые существуют в истории наших стран?

— Я отвечу вам следующим образом. То, что относится к более древней истории, это мы должны оставить только историкам, их исследованию и интерпретации, и только постараться, чтобы по мере возможности объективные статьи попадали в средства массовой информации, содействуя правильной ориентации общественного мнения.

— До какого периода, пани Эльжбета, примерно? Девятнадцатый век оставляем историкам или нет?

— Я думаю, что девятнадцатый век нужно оставить историкам, потому что далеко не все материалы многим пишущим доступны. А журналисты, к сожалению, очень часто делают слишком обобщенные выводы из поверхностно известных фактов. Я не хочу сказать ничего дурного о прессе, но, действительно, в наше время слишком много таких интерпретаций, которые не основаны на документах или, что еще хуже, базируются на очень выборочном материале. Скажем, даже из архивных материалов берется только то, что соответствует концепции журналиста, и, соответственно, отбрасывается все, что ей противоречит. Не входя в подробности, хотелось бы сказать, что проблемы, которые требуют освещения истории двусторонних отношений Польши и Беларуси, нуждаются в серьезном пересмотре и большей объективизации, без налета пропагандистских стереотипов. Мы с вами, кстати, разговариваем первого сентября. Пятьдесят пять лет минуло со времени начала второй мировой войны на территории Польши, это дата важная не только в истории наших народов...

Г. МОСКАЛЕВА

— Да, действительно, какая дата! Мы говорим с вами первого сентября. В польской публицистике, разбирающей «освободительный поход» Красной Армии, начавшийся 17 сентября 1939 года, я встречал такую формулировку — «нож в спину», так?

— Мне не хотелось бы разговаривать с применением таких выражений. Это объективный факт, что наш народ оказался зажатым с двух сторон армиями, которые по пакту Риббентропа-Молотова были союзниками. И это очень долго не признавалось. Ясно, что нельзя смотреть на тридцать девятый год только с точки зрения освобождения Западной Беларуси и Украины. Это один аспект проблемы, который выдвинут известного толка пропагандистами. Есть и другие неоспоримые исторические факты: множество не только поляков, но и латышей, и литовцев, белорусов, украинцев было сразу же после «освобождения» переселено в степи Казахстана, в сибирскую тайгу... Я не выделяю эти факты, как усложняющие наши сегодняшние взаимоотношения, но нужно помнить и об этом аспекте в годовщину пятидесятилетия освобождения Беларуси от фашистских захватчиков и того времени, когда Советская армия совместно с союзниками, воевавшими на других фронтах, совместно с польскими солдатами, которые воевали на разных фронтах, освобождала Польшу... Я с огромным уважением отношусь к советским воинам, к их стойкости и героизму. Мы в посольстве встретились с ветеранами войны, и я подчеркнула тогда, что мы всегда будем чтить память всех солдат, независимо от национальности, погибших за освобождение Польши. Но нельзя забывать, что освобождение — это был уже второй этап отношений, а первый контакт с Советской армией, к сожалению, был совершенно другим...

— Вам не кажется, что сегодня российская историография да и официальная политика делают серьезные шаги в объективном раскрытии этих проблем? Сложнее обстоит дело у нас, в Беларуси. Здесь ведь затрагиваются проблемы нашего национального единства, сложнейшие территориальные вопросы... Тем не менее, мне кажется, в общественном сознании уже утвердился факт преступности сговора Сталина и Гитлера, признано Катынское преступление. Этот процесс с трудом, но идет.

(Окончание на стр. 2)

В НОМЕРЕ:

АВАНСЦЕНА

БУДЕМ УЧИТЬСЯ У ИСТОРИИ СТРОИТЬ БУДУЩЕЕ

(Окончание. Начало на 1 стр.)

— Конечно, в этом убеждает и визит президента Ельцина в Германию в связи с выводом советских войск. Он сказал очень серьезные слова о том, что этот день закрывает историю второй мировой войны. В этом направлении кое-что еще нужно сделать, чтобы закрыть эту историю в отношении к польскому народу.

— Если мы считаем, что такие политики, как Ельцин, Валенса, историки, которые работают с российской стороны, с белорусской стороны, понимают трагедию, связанную с уничтожением польского государства и большей части польской интеллигенции в результате преступного сговора, то что же все-таки остается, на ваш взгляд? Я назову это комплексами, недоверием, предрассудками, пережитками, проникающими даже на страницы прессы, считающей себя культурной и вместе с тем позволяющей себе известные односторонние высказывания в адрес Польши или в адрес России, — что это такое? Это недоверие, которое веками напластовывалось, или это обывательские предрассудки?

— Это очень серьезный вопрос, и на него одним предложением не ответишь. Здесь напластовались очень разные элементы. Здесь могут играть роль какие-то частные, личные воспоминания...

— ... и амбиции.

— ... амбиции и индивидуальные или партийные политические розыгрыши. Я думаю, что нужно обратить внимание на одну очень опасную в международных отношениях тенденцию, которая время от времени проскальзывает в белорусской прессе. Предпринимаются попытки делать каких-то соперников из России и Польши в отношении к Беларуси. Польша и Россия не кандидаты в женихи, а Беларусь не невеста, а суверенное государство, которое с большим трудом строит свою государственную самостоятельность. Моя свободолюбивая страна явно поддерживает в этом Республику Беларусь и пугать читателей выдуманными «претензиями» Польши относительно пересмотра границ нет никакого смысла. Самое главное, по-моему, с психологической точки зрения, постараться понять ошибки прошлого, сбросить с себя его тяжесть и начать думать категориями современности и перспективы. Смотреть в будущее молодыми глазами, с верой и активностью. Это будущее зависит во многом от нас, нашего взаимного доверия и взаимно полезного двустороннего сотрудничества во многих отраслях экономики и культуры. Очень важное место в наших отношениях должны занимать проблемы регионального многостороннего сотрудничества, например, еврорегион Буг, в котором могут быть заинтересованы и Украина, и Польша, и Беларусь, а косвенно и страны, с которыми они сотрудничают.

С польской стороны можно отметить все возрастающий интерес к Беларуси среди молодежи. В Варшавском университете существует факультет белорусской филологии с 1957 года, такой же факультет есть и в Люблинском университете. Белорусский язык и историю изучают также в Белостоке и Познани. Множатся научно-исследовательские коллективы и издательства. Чувствуется желание ближе узнать индивидуальность соседей, которые до распада Союза воспринимались общественностью в основном как «русские, советские». Мы также хотим пойти навстречу интересу к польской культуре в Беларуси и открыть Институт польской культуры в Минске по образцу институтов, действующих во многих странах мира, в том числе и в Москве. Но поддержки со стороны министерства иностранных дел РБ в этом вопросе пока не удалось получить. Это что, по-вашему, предрассудки? Недоверие или просто отсутствие интереса к делу?..

— Пани Эльжбета, вы — посол, но одновременно и просто человек, полька, наконец, — ученый-филолог. Я читаю польскую прессу и чувствую тревогу за судьбу Польши. Вполне понятно, что публицисты беспокоятся, спорят... В печати выступают замечательные польские интеллектуалы, эмигранты, люди, живущие за границей. У них особенная тревога, и эта тревога частично, как мне кажется, или в известной мере связана с Германией, хотя у Польши очень хорошие отношения с Германией, и с неопределенной, неустоявшейся западной политикой России. Скажите, у вас, как у посла, как у человека, как гражданина своей республики, сегодня тоже есть это чувство тревоги за будущее Польши в международном плане или вы уверенно себя чувствуете? Потому что польская публицистика, как мне кажется, испытывает определенную тревогу и в связи с Россией, и в связи с Германией за будущее Польши. Может, опять мое мнение ошибочно?

— Я думаю, что у вас какое-то экстремально чувствительное видение ситуации...

— У вас нет такого чувства тревоги?

— Вы знаете, нет. Есть глубокое понимание, что нужно работать на экономическое объединение Европы и сотрудничество с другими странами мира, способное обеспечить такое положение, при котором никто не имел бы особых преимуществ или какой-то особой политической тяги...

— К политическому переделу?

— Да. И к политической вражде. Нужно все-таки учиться у истории строить будущее.

— Но мы по-прежнему, простите, руководствуемся понятиями о зонах влияния. Польша должна входить в сферу влияния России... Мы еще не избавились от этих великодержавных взглядов... Прибалтика — тоже сфера влияния России... А чья сфера влияния Беларусь? Эти проблемы существуют... А уж как американцы любят говорить об американских интересах в той или иной зоне мира!

— А вы не видите явных перемен в этом вопросе? Этот подход относительно сфер влияния нужно менять на здоровые взаимные интересы и взаимное обогащение. Вы посмотрите на Западную Европу! Почему Центральной и Восточной Европе не использовать те же положительные формы сотрудничества в культуре, экономике, даже в каких-то элементах госбезопасности? А сколько создано разных международных организаций, занимающихся проблемами общей мировой безопасности и правами человека? Почему СБСЕ столько внимания уделяет национальным меньшинствам, правам человека? Именно потому, что люди понимают: очаги конфликтов могут возникать в разных местах. Я выросла в Польше, но занималась белорусами, их языком и культурой. Слежу за отношением к белорусам в Польше, которое нельзя назвать плохим. Вижу, сколько делается с обеих сторон для того, чтобы поляки в Беларуси тоже чувствовали себя гражданами этой страны и одновременно сохраняли свою культурную и национальные особенности. Здесь можно многое повернуть к лучшему. Хочется верить в человеческий разум, в то, что мы общими силами сможем сдержать разных экстремистов и сверхамбициозных людей, сможем ограничить их аппетиты благодаря международным организациям, сотрудничеству... Просто нужно посвятить двусторонним и многосторонним отношениям больше внимания и конкретно направленной энергии.

— Будем подводить итоги. Такие термины как «сфера влияния» уходят в прошлое.

— Хочу надеяться... Должны уйти!

БЕЛАРУСЬ НЕ СОБИРАЕТСЯ ОТКАЗЫВАТЬСЯ ОТ СУВЕРЕНИТЕТА

FRANKFURTER ALLGEMEINE ZEITUNG

БЕСЕДА С ПРЕЗИДЕНТОМ АЛЕКСАНДРОМ ЛУКАШЕНКО

В интервью «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Financial Times» и Radio France г-н Лукашенко сказал: «Ваша настороженность по поводу наших взаимоотношений с Россией лишена оснований». С Россией он хотел бы сотрудничать так же, как с Германией, Францией и Великобританией: «Наши экономические интересы сделали мы стержнем своей политики. Все, что соответствует этим интересам, неважно, идет это с Востока или Запада, в нашей республике поддерживается и учитывается».

Лукашенко сослался на то, что ему нужно выполнить «три предвыборных обещания», а все остальное — или интерпретация этих обещаний, или что-то надуманное. Первое — это обуздать инфляцию. Его второе обещание касается сохранения рабочих мест. Он понимает, что огромная доля военной промышленности, занимавшей господствующее положение, требует структурной перестройки экономики, к чему все-таки приступило прежнее правительство. «Хотим мы того или нет, мы вынуждены пойти этим путем. Но если мы увидим перспективу для этого производства, если эта продукция может понадобиться за рубежом, в Германии или Франции, то мы не будем ликвидировать эти предприятия».

Что касается цены реформ, то г-н Лукашенко думает, что она могла быть в Беларуси намного ниже, если бы страна получила обещанные западными правительствами инвестиции: «Я подчеркиваю — обещанные инвестиции. Я не думаю, что вы привезете сюда вашу валюту и будете нас кормить; нам нужны ваши опыт, информированность, ваши знания. Нам нужна совместная с вами работа на взаимовыгодных условиях». Есть такие предприниматели, говорит президент, которые хотели бы — не без поддержки политиков — создать отношения, похожие на улицу с односторонним движением. «Так не получится». Белорусы знают, что они представляют для Запада огромный интерес в качестве самостоятельного государства, расположенного в центре Европы, на пути с Востока на Запад. «Мы готовы удовлетворить ваши интересы в этом направлении», — заверил Лукашенко. «Но мне хотелось бы, чтобы вы подумали о том, что у нас есть и свои интересы, и мне хотелось бы, чтобы эти интересы были сбалансированы. Думаю, что я выразился достаточно определенно», — многозначительно добавил Лукашенко.

Относительно внутренней политики президент, который получил на выборах более 80% голосов избирателей и у которого в Верховном Совете нет ни своей фракции, ни определенного большинства, заявил, что он будет сотрудничать с парламентом, чтобы «избежать таких трудностей в отношениях с законодательной властью, какие имеют господа Коль и Миттеран». Как следует из ответа Лукашенко на вопрос журналистов, ему не ясно, в чем заключается параллель между ним и его Верховным Советом, с одной стороны, и президентом Ельциным и его отношениями с российским парламентом — с другой. Беларусь — государство со своими собственными проблемами, которые касаются и парламента, и президента. Лукашенко упрекнул своих собеседников в том, что они «в плену русских событий», поэтому и преувеличивают трудности во взаимоотношениях белорусского президента и парламента. «Я не думаю, что российская ситуация может повториться в Беларуси, даже в минимальном выражении этого явления». Но одновременно Лукашенко пояснил, что он может использовать конституционные права по отношению к строптивому парламенту.

REUTERS

На вопрос, хотел бы он создать свою партию, чтобы и в парламенте иметь активную поддержку, Лукашенко ответил, что было бы неплохо создать такую партию: «Но у меня просто сейчас нет времени на это». Что касается срока следующих парламентских выборов, то это решать Верховному Совету. Лично у него, как у президента, нет намерения инициировать досрочные выборы: «По крайней мере сегодня».

В сельской экономике республики не ожидается никакого перелома. Президент не хочет форсировать приватизацию земли и разгонять колхозы и совхозы, когда еще не создана альтернатива им: «Но эту альтернативу мы будем создавать быстрыми темпами».

Лукашенко также сообщил, что под его личным наблюдением разрабатывается программа для западных инвестиций, в рамках которой будет продаваться земля. «Это будет происходить под контролем президента, так как президент пользуется сегодня большой поддержкой широких слоев населения, и чтобы предотвратить коррупцию, которая характерна для нашего общества, и, наконец, чтобы защитить интересы зарубежных инвесторов. Никаких взяток чиновнику. Это будет наш первый шаг. Поэтому мы ждем ваших инвесторов. И, я говорю совершенно серьезно, пожалуйста, не опаздывайте. Торопитесь участвовать в этой программе. Мы уже получили массу предложений, и первые поступили из Соединенных Штатов. Это меня крайне удивило: как будто жизненные интересы США здесь значительнее, чем интересы государств, расположенных в Европе».

На вопрос о будущем СНГ Лукашенко ответил: «Сегодня все республики бывшего Советского Союза в очень большой степени зависят друг от друга. До сих пор СНГ является единственной реальной формой сотрудничества. Эта форма работает крайне неэффективно, но сегодня другой нет».

Относительно программы НАТО «Партнерство ради мира», к которой Беларусь в будущем присоединится, президент пояснил: «Что я могу ожидать? С материальной точки зрения, в этом плане нет никаких предложений от партнеров. Что касается политического аспекта, то есть только одно, что может пожелать себе человек, который вырос в Беларуси: мира и стабильности».

АВАНСЦЕНА

CAMBIO 16

КТО ХОЧЕТ -- ПУСТЬ УЕЗЖАЕТ

ФИДЕЛЬ КАСТРО О ПОЛОЖЕНИИ НА КУБЕ

— Когда-либо Куба находилась в столь же трудной ситуации как теперь?

— Ситуация остается сложной с начала введения экономической блокады Соединенными Штатами тридцать лет назад.

— Но раньше на острове не было уличных протестов, подобных тому, что произошел пятого августа?

— У нас есть проблемы. Нет смысла отрицать это. Но большая часть общества поддерживает революцию. Это было очевидно после убийства капитана корабля поручика Роберто Агильяра Рейеса. Как минимум пятьсот тысяч человек прошли перед телом жертвы убийц, которым было недостаточно увести судно.

— На какие уступки вы готовы пойти, чтобы достигнуть соглашения с Соединенными Штатами?

— Что касается принципов, суверенитета и независимости нашей страны, революции, мы не пойдем ни на какие уступки.

— Существует ли соглашение об эмиграции между Соединенными Штатами и Кубой?

— Существует соглашение, подписанное США несколько лет назад, в котором они обязуются выдавать визы 20 тысячам людей в год, а кроме того 2—3 тысячам заключенных, приговоренных за контрреволюционную деятельность. В действительности США не выполняли обязательства, выдавали 2—3 тысячи виз. Остальным отказывали, чтобы вызвать недовольство, привести их в стан оппозиции. Как правило, визы кубинцам не давали, но если кто-то похищал лодку или совершал преступление, то его принимали. Такое не делается в случае с гражданами любой другой страны.

— С каждым днем растет число кубинцев, желающих уехать в Соединенные Штаты.

— Много людей и из других стран желают уехать в Соединенные Штаты, но их там не принимают. На границе с Мексикой существует стена, охраняемая лучше, чем берлинская, чтобы мексиканцы не перешли в США. Их преследуют пограничники, вооруженные до зубов. Как относятся в Соединенных Штатах к колумбийцу или венесуэльцу, который хочет там жить? К ним относятся плохо, унижают их. Неважно, что это честные граждане. А людей, которые убивают невинных кубинцев, американцы принимают с распростертыми объятиями.

— Это способ, чтобы уехать с острова?

— Никто не обязан для этого становиться преступником. Кто хочет уехать с Кубы, пусть уезжает, когда захочет. Границы открыты.

— Социализм потерпел крушение во всем мире. Не считаете ли вы, что пора вернуться к капитализму?

— Не знаю, что сказали бы североамериканские индейцы, если бы спросили их, что они думают об этом. Я по-прежнему утверждаю, что капитализм пожирает себя сам, уничтожает природу, влияет на климат, уничтожает озоновый слой, отравляет моря, реки — все. Он создал худшее в мире общество — общество потребителей. Подумать страшно, что согласно капиталистической модели каждый китаец будет иметь мотоцикл, каждый индиец — автомобиль и каждый африканец — также автомобиль! Хотел бы я знать, сколько кислорода для дыхания останется на Земле.

— Вы не чувствуете усталости? Не хотели бы уйти?

— Я не устаю, потому что выполняю свой долг перед народом. В истории мне неизвестен пример революционера, который ушел бы, не выполнив своей миссии. Революционеры не уходят на пенсию.

— Если бы вы не управляли Кубой, кем бы вы хотели быть?

— Я хотел бы жить как Габриель Гарсия Маркес: он ездит, куда захочет, у него есть время, чтобы читать и писать книги. Я хотел бы быть писателем.

— Блокада может продолжаться, а вы можете умереть...

— Я не думаю еще о причастии, тем более, что еще не удалось наладить связи с католической церковью. У меня отличное давление — это не для пропаганды. Конечно, я понимаю, что все люди смертны.

— Что будет на Кубе, когда вас не станет?

— (со смехом) Лучше, чем сейчас.

THE WORLD PAPER

"Я НАПРАСНО УВЕРЯЛ ЕЛЬЦИНА, ЧТО ЗАПАД БУДЕТ ПОМОГАТЬ РОССИИ..."

С АМЕРИКАНСКИМ УЧЕНЫМ ДЖЕФФРИ САКСОМ, ПРОФЕССОРОМ ГАРВАРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, БЕСЕДУЮТ ЯПОНСКИЕ ЖУРНАЛИСТ И ЭКОНОМИСТ

— Шоковая терапия или поэтапные реформы? Кажется, в Японии многие верят в результативность и безболезненность поэтапных реформ. В качестве примера приводятся Корея и Тайвань, у которых были долгие переходные периоды. Много лет государство контролировало оборот капитала, манипулировало курсом пересчета и устанавливало некоторые цены. Почему это все оказалось результативным?

— Каждая страна нуждается в стабильности макроэкономики, прежде чем начнутся какие-либо позитивные изменения. Это подтверждает новейшая история Японии с ее двумя периодами высокой инфляции. Речь идет о плане Доджа и о пакете антиинфляционных мероприятий после реставрации династии Мейджи. Корее также пришлось в 50-х годах бороться с высокой инфляцией, а потом у нее наступил период быстрого экономического подъема. То же касается Тайваня во второй половине 40-х годов и начале 50-х. Только Китай, приступая к реформам после 1978 г., не жаловался на отсутствие экономической стабильности.

Инфляция в России составляет сейчас 1000% в год. (Беседа с Д.Саксом состоялась в июле с.г., но и в то время уровень инфляции в России далеко не соответствовал приведенной цифре, он был значительно меньше. — Прим. ред.). Нет никакой уверенности, что при таком уровне инфляции удастся провести экономические реформы. Кроме того, структура экономики России резко отличается от восточно-азиатских экономических систем. Сравним хотя бы Россию и Китай. Китайцы взяли под особую защиту государственный сектор, а частный сектор предоставили самому себе. В Китае не решились ни на полную ликвидацию государственного сектора, ни на его приватизацию. Скорее всего, поэтому и не было политических столкновений и общественных конфликтов, а кроме того, частный сектор смог развиваться в относительно благожелательной среде. Большинство китайцев уже давно работали за пределами государственного секора: в 1978 г. только 17% населения работало на государственных предприятиях, а 71% имел собственные сельскохозяйственные предприятия. В Китае вообще большая часть населения была связана с негосударственными структурами. Совершенно иначе обстоит дело в России: 90% населения работало на государственных предприятиях. Принцип был таков: сохранить государственные предприятия и позволить развиваться частным хозяйствам.

— Почему реформы в России не начали с сельского хозяйства, как это сделано в Китае?

— Китайская деревня хотела освободиться от сельских коммун, где сохранялась система притеснения, ограничение личной свободы и инициативы. Налоговая система была построена так, что деревня должна была содержать городских жителей. А в России только 13% населения работает в сельском хозяйстве (государственном), которое к тому же совершенно нерентабельно, и получает огромные дотации. Колхозники имеют гарантированную оплату труда. По сути они не сельскохозяйственные работники, а государственные бюрократы. Любой ценой они стремятся сохранить привилегии, которые обеспечивает им существующий порядок вещей. Но государство уже не может позволить себе этого. Печатание новых денег, необходимых для обеспечения подобных обязательств, приводит к гиперинфляции.

— Существующие в России условия не подходили для проведения шоковой терапии. Но, может быть, случилось что-то в процессе ее проведения, чем можно было бы объяснить ее неудачу?

— Одной из самых крупных моих ошибок было то, что я в декабре 1991 года уверял президента Ельцина в том, что Запад будет поддерживать реформы в России любой ценой. Тогда мне это казалось очевидным. Запад тогда серьезно ставил на Россию. «Вы в это верите? Я — нет», — сказал тогда Ельцин. Это была, наверное, крупнейшая моя ошибка. Но, может быть, меня оправдывает отсутствие прецедентов, а, может быть, и не существует удовлетворительного решения этой задачи. Ведь речь шла о политической революции.

После восстановления династии Мейджи в Японии в 1868 г. стабилизация наступила через много лет, уже после 1880 г. Главной причиной была политическая нестабильность, которая мешала стабилизации валюты. И после второй мировой войны стабилизация валюты началась только спустя четыре года, это совпало с реализацией плана Доджа. Я думал, что мне удастся обмануть историю и провести реформы в России без гиперинфляции. Большинство новых демократических государств в Латинской Америке не избежали инфляции в 80-х годах именно из-за слабости демократии. Не хватало опыта, а общество разделилось. В результате гиперинфляция коснулась всех стран, проводивших реформы: Бразилии, Аргентины, Перу и Боливии.

Когда я приехал в Польшу в 1989 г., то заметил и там все признаки приближающейся гиперинфляции. И все-таки благодаря молниеносным решительным действиям удалось ее избежать. В России говорят: «Да, мы накануне гиперинфляции, но мы стараемся бороться с ней, не поддаваться убеждению в ее неизбежности». Поэтому я не знаю, чем все это кончится.

Беседу вели Юшисуке Инума и Такатоши Ито

ВЕК ИНФОРМАЦИИ -- РЕАКЦИЯ ЕВРОПЫ

Еврокомиссия представила план, который можно расценивать как реакцию опасения, что Европа не успевает за США и Японией в молниеносном процессе развития новых форм телекоммуникаций. Европейская система телекоммуникаций и информатики отстает в борьбе с конкурентами, — заявил в Бонне Георг Венцель, представитель Евросоюза.

О значении, которое придается «информационным автострадам» и вообще новой информационной промышленности, свидетельствует подготовка к встрече руководителей семи самых развитых стран мира в ноябре в Брюсселе, где будет обсуждаться проблема либерализации торговли и обмена технологиями в области телекоммуникаций и информационных услуг. Моделью решения должна, среди прочих, быть система «Minitel», которая уже успешно и широко используется во Франции. Она настолько универсальна, что позволяет как совершать банковские операции, не выходя из дома, так и заказывать билеты в театр.

В планы Комиссии входит создание телеинформационной сети, которая в 1997 году объединит 30% европейских университетов, а также позволит внедрить так называемую телеработу, то есть выполнение части конторских работ дома, на персональных компьютерах. Согласно плану, через два года по крайней мере 2% персонала фирм уже должны пользоваться возможностями заочной работы.

Очередные проекты касаются реорганизации службы здоровья и административных органов самоуправления. Реорганизация заключается в использовании компьютерных сетей. Предполагается расширение использования на дому глобального сервиса мультимедиа.

Европейская индустрия, по оценке комиссии, должна выделить в течение ближайших 10 лет около 194 млрд. долларов, чтобы восполнить отставание некоторых стран нашего континента от США в области массовой коммуникации. В Америке 60% домов соединены сетью широкополосных кабелей, в Европе же — только 25%. В Бельгии этот процент составляет 92, а в Греции — только 2%.

Для европейской промышленности должно быть очевидным, — утверждает Венцель, - что нельзя больше спать, когда в технологии информатики произошел такой прогресс.

ОБЩЕСТВО

ВЛАДИМИР МАЦКЕВИЧ, агентство гуманитарных технологий

О ПРАЧКАХ, ВЫСОКОЙ МОДЕ, ОГУРЦАХ И БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКЕ

Был такой анекдот. Склонившаяся над корытом прачка устало мечтает: — Вот, выйду замуж за графа, стирать буду только на себя и на графа.

Все дальнейшее — мораль из этого анекдота.

Одному цинику прошлого века приписывают такое высказывание: «Я могу жить без самого необходимого, но не могу без излишеств». Оценки того, что является необходимым, что полезным, что роскошью — всегда субъективны и напрямую зависят от того, кем оценивается. Прачка и графиня считают полезным и необходимым разное.

Вы знаете почему из швейной фабрики «Большевичка» никогда не будет выходить модная одежда, даже если поставить самое современное оборудование и запустить самые современные модели в производство? Потому, что завтра в моде будут другие модели, а фабрика «Большевичка» заметит это только через десять лет. Ведь и швея и директор этой фабрики не ходят на демонстрацию мод «от кутюр». Да и места такого нет в округе в тысячу километров от этой фабрики. Работники «Большевички» думают о том, что полезно, что носят соседки с фабрики «Красный портной»

Технология моды — это гуманитарная технология. И как всякая технология, она состоит из звеньев и элементов. Удалите один элемент, и разрушится вся технологическая цепочка. Подиум демонстрации «от кутюр», соревнования кутюрье, модели, которые могут носить только вышколенные манекенщицы, — все это звенья гуманитарной технологии моды, но с точки зрения прачек и министерства швейно-галантерейной промышленности, это «богатые с жиру бесятся». Без «от кутюр» не бывает даже приличного ширпотреба.

Никто не станет разъезжать по городу на машинах «Формулы-1", никто не станет готовить свою »Ниву" для гонок «Париж-Дакар», но без этих соревнований невозможно развитие автомобильной промышленности. Для прачек все это представляется запредельной роскошью.

Современные технологии обязательно включают в себя технологическое звено высших достижений. Для тех, кто понял, как говорится в одной телерекламе.

Думать об этом и понимать могут «графы», но не «прачки». Прачки могут думать только о том, что повседневно необходимо. Нужен автомобиль, все мечты о «Запорожце». Зачем организовывать гонки «Формулы-1"? Ведь на таких машинах на дачу не поедешь. Скудость фантазии прачек — причина отсталости страны. »Страна огурцов" — это не пасквиль в «Известиях», это констатация положения дел в нашей стране. Беларусь нормально «смотрится» как захудалая провинция в большой империи, в которой, кроме провинции, есть столица, где имеется подиум для высших достижений. Но как суверенное государство, Беларусь — страна огурцов, здесь нет кутюрье, элитарных мест для демонстрации высших достижений, нет никого, кто думал бы «шире» прачек. Все осталось в Москве. То, чем может довольствоваться провинция, совершенно недостаточно для независимой страны. Пора обзаводиться всем своим, что нужно в хозяйстве.

В Беларуси три четверти тех, кто должен быть «графами», являются «прачками», стирающими только на себя», поскольку фантазия прачек дальше стирки поношеного белья не распространяется.

В Беларуси полностью отсутствует то, без чего немыслима ни одна современная страна — взаимодействие трех элит: бизнеса, политики и интеллекта. Прачки делают бизнес, политику и науку. Модели государственного строительства делаются по «лекалам» фабрики «Большевичка». Бизнес приватизирует все ту же фабрику, с ее технологией. А «ученые» обосновывают, что «это народу нужно, что другого народ не поймет». Ссылки на народ, столь распространенные в среде белорусских политических, предпринимательских и ученых «элит», — только оправдание собственной бездеятельности. Элиты сами, в первую очередь, должны перестать быть прачками. Политические партии грызутся между собой по пустым поводам. Это грызня прачек на коммунальной кухне, а не политика. О чем можно говорить, если все государственные органы независимой страны, хоть и по новой Конституции, построены по большевистскому фасону БССР. Кто станет всерьез рассматривать Верховный Совет как парламент? Дело не только в названии. Депутаты, избранные в Верховный Совет БССР, уютно чувствуют себя в Верховном Совете РБ. Доплату «за вредность» быть «товарищами депутатами» в «буржуазной» республике регулярно выплачивают. Прачки с прачками, товарищи с товарищами всегда договорятся.

«Молодая Беларусь» в лице успешных бизнесменов и политиков понимает «огуречность» и «прачечность» организации всех сфер жизни в стране. Кое-кто пытается даже делать кое-что. Но эти действия совершенно не технологичны. Нужна газета, делают попсовую «Газету Алекса Сидорова им. Лохнесского динозавра». Колхозный телеканал собирается обзавестись своим Карауловым и «Итогами».

Господа! Товарищам не под силу такие «фасоны». Повседневные одежды могут быть красивыми только пройдя через ряд технологических звеньев — с подиумов от кутюр. Но сначала нужно позаботиться, чтобы такие подиумы в Беларуси были. Нужны высшие достижения, и только те, кто прошел школу высших достижений, смогут сделать вам то, что нужно «на каждый день». Но прачки, привыкшие экономить на товарах повседневного спроса, даже имея миллионы долларов в кармане, не способны понять, за что нужно платить кутюрье. Они меряют модели на подиуме мерками одежды «на каждый день».

Скупой платит дважды, трижды и бесконечно. Налогоплательщики и предприниматели будут бесконечно оплачивать государственные реформы, сделанные прачками, если будут экономить на интеллектуальных кутюрье. Президент вынужден будет бесконечно оправдываться за действия своего аппарата, если будет считать, что ему нужны кадры попроще (чтоб народ понимал), а не умники типа «завлаба» Гайдара.

Товарищи! Хотите жить хорошо — станье господами! Господами своей жизни и судьбы. Перестаньте «стирать».

АЛЕКСАНДР ЧЕРНИЦКИЙ

ДВА ПАРАДОКСА БЕЛОРУССКОЙ СЛОВЕСТНОСТИ

Вспомним два главных принципа постмодернизма: художнику позволено все; искусство самодостаточно. Именно принцип самодостаточности искусства торжествовал в белорусской литературе в течение последних десятилетий: писатели писали для писателей и весьма узкого круга интеллектуалов вроде С.Шушкевича. Вследствие полонизации и русификации, а также войн и миграционных волн, белорусский язык (универсальный славянский язык, открывающий своим знатокам свободный доступ к прочим славянским языкам; не случайно белорусские интеллектуалы владеют, как правило, и польским) в Беларуси постигла судьба французского языка в Сенегале, где государственным, то есть французским, языком владеют лишь десять процентов жителей.

Новые времена позволили реализоваться в белорусской литературе и принципу эстетической (и, разумеется, идеологической) вседозволенности, что привело республику к ситуации чистого постмодерна — независимо от принадлежности тех или иных авторов к официозному СП или «андеграундному» Товариществу Свободных Литераторов. И в этом мы видим половину оправдания для заголовка.

Беларусь находится почти в геометрическом центре Европы и при получении независимости имела, соответственно, богатый выбор путей развития: польский, прибалтийский, российский на худой конец. По нраву пришелся великолепный образчик. Украинский.

Сейчас уже несложно сделать вывод: реформы идут там, где их осуществление не доверялось старым коммунистическим элитам. (Возвращение к власти коммунистов в Литве и Польше ничего не меняет по существу, ибо мотор запущен без их участия и работает надежно.) У поляков для отстранения ПОРП от государственных и экономических рычагов была «Солидарность». В Литве — «Саюдис» плюс литовский язык. В национально неоднородных Латвии и Эстонии имелись лишь радикальные средства: законы о гражданстве и государственном языке. Которые блестяще справились с ролью закона о люстрации.

Чтобы отобрать власть у советских коммунистов, недостаточно победы над ними на выборах; их необходимо выдавить из всех органов управления — от свечного заводика до крупного муниципалитета (мэрии, префектуры, исполкома, если угодно). В Латвии эту грязную работу отчасти выполнил латышский язык; в Эстонии — эстонский. С преобладанием в хозяйственных и иных верхах русскоязычной прокоммунистической публики было покончено, поскольку даже коммунистам, имевшим в числе своих вождей полиглота Ленина и языковеда Сталина, не под силу в массовом порядке в короткий срок и в совершенстве освоить язык, столь непохожий на родной, — как это требуется для руководящей работы. Саботировать и дискредитировать реформы стало некому.

Нужно сказать, что и национально неоднородная Беларусь, вслед за балтийскими странами, придала государственный статус языку коренного населения, причем сделал это Верховный Совет, избранный, по сути, в застойные годы. Бояться было нечего: белорусский язык принципиально отличается от языка балтийских соседей: и он слишком похож на русский. Прожив в республике несколько лет и не прилагая никаких специальных усилий к изучению языка, вы сможете его понимать. А это значит, что в вашем присутствии подпольщики-антикоммунисты не станут договариваться об очередном митинге, зная, что вы — не будучи в состоянии правильно произнести хоть слово по-белорусски — тем не менее все поймете и настучите куда надо.

Та же беда на Украине. А уж сколько спето дифирамбов «рідной мове»! Не меньше, чем «родная мова». Это действительно красивый язык — особенно когда вы слышите не жесткий лающий выговор дикторов, а беседу, скажем, двух писателей Владимира Орлова с Наумом Гальперовичем... Итак, второй парадокс: любимый родной язык предательски напоминает нелюбимый чужой. Беларусь по-прежнему, спотыкаясь, бредет по колее. Как жеребенок, привязанный к раздолбанной и быстро нацифицирующейся имперской телеге.

Одно в этой ситуации чистого постмодерна хорошо. Двоим сложнее сговориться набить морду третьему, если этот третий понимает их язык. Незнание третьим языка двоих нередко служит отправной точкой для национальных притеснений. Потому, возможно, в Латвии и Эстонии национальные притеснения есть, а в Беларуси их нет.

ВИКТОР МУДРОВ

УЧИТЕ АЛБАНСКИЙ, ГОСПОДА

Статья А.Черницкого, в которой виртуозно сопряжены такие несопрягаемые, казалось бы, вещи, как современный постмодернизм, экономические реформы и национальный вопрос, констатирует истину: без декоммунизации и деколонизации никакой прогресс в Белоруссии невозможен. Как невозможен он и в других посткоммунистических странах, где у власти находится все та же старая, в меру туповатая, не в меру трусоватая и свыше всякой меры вороватая номенклатурная публика.

О том, что декоммунизация является предпосылкой успешного проведения реформ, говорит опыт ряда бывших союзных республик (имеем в виду страны Балтии) и ряда стран Восточного блока — Польши, Чехии, Албании.

Да-да, именно Албании. В этой в недалеком прошлом предельно большевизированной, отрезанной от мира стране темпы экономического роста сегодня самые высокие в Европе. По итогам прошлого года они составили 11%, экспорт албанской продукции вырос за год более, чем на 50%, серьезно укрепилась национальная валюта — лек и, наконец, в двери албанской экономики год назад веселой толпой ввалились зарубежные инвесторы и ведущие западные фирмы.

Успехи эти достигнуты благодаря политике реформ, проводимой в Албании, которой предшествовала полная декоммунизация страны. Вся старая номенклатурная гвардия была в одночасье выметена из госучреждений. Функционеры высшего ранга, в прошлом управлявшие страной, были посажены в тюрьмы за воровство и коррупцию. Была ликвидирована бюрократическая многозвенность в управлении и уничтожена система политического сыска.

Сегодня в стране горных орлов уже нет так называемых сельхозкооперативов — вся земля передана крестьянам. Полным ходом идет приватизация и лозунг сегодняшнего дня в Албании — слова ее президента Сали Бериша: «Приватизируем все, что можно, ибо госсобственность — это мертвый капитал».

Сали Бериша посетил с официальным визитом Лондон. Этот бывший диссидент и кардиолог по профессии произвел настоящий фурор среди журналистов и политиков, когда на прессконференции бегло отвечал на самые каверзные вопросы на трех европейских языках. Как тут не вспомнить руководящих белорусских товарищей, многие из которых не в состоянии логически изложить собственные мысли на «родном партийном» языке?

И, коль уж речь зашла о языках, позволим себе слегка не согласиться с тезисом А.Черницкого о притеснении русскоязычных в странах Балтии. На наш взгляд, «если третий не понимает языка первых двух», то в этом случае «третьему» необходимо этот язык изучить и тогда вопрос «притеснения» будет снят с повестки дня.

И еще о лингвистике. Автор этих строк год назад взялся за изучение албанского языка. И если раньше преследовал «абстрактные» цели (более глубокое изучение культуры древнейшего народа Европы), то теперь цели эти приобрели вид более утилитарный и прагматичный. Неровен час — лет эдак через пять-шесть — автору, возможно, представится случай выехать на заработки на албанскую Ривьеру — подносить там за 200—300 «зеленых» в месяц херши-оранжады состоятельным туристам. Соседнюю Польшу наши батраки уже освоили. А почему бы не освоить Балканы, тем более, что климат там мягче польского и народ там мошний как нигде душевный и кроткий.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

ВАЛЕРИЙ КАРБАЛЕВИЧ

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ПОПУЛИЗМА

Представленная президентом Верховному Совету программа неотложных мер по выходу из кризиса подводит черту под дискуссией о том, будет ли Лукашенко осуществлять экономические и политические реформы, укреплять государственность Беларуси. Последние события лишний раз иллюстрируют банальную истину: любой прагматичный государственный деятель вынужден проводить политику не столько в соответствии со своими представлениями, сколько под влиянием объективных обстоятельств. В противном случае его ожидает судьба Гамсахурдиа. Хорошо об этом сказал сам президент в выступлении на ассамблее деловых кругов: «Возможности для выбора и поле для маневра у нас очень ограничены. Беларусь... не может идти против логики мирового развития». Поэтому он вынужден фактически взять на вооружение в несколько измененном виде концепцию своих идейных противников на президентских выборах. Таким образом политическая борьба перемещается с дискуссии о необходимости преобразований к вопросу о темпах реформ, степени их глубины и радикальности.

Безусловно, программа, как и вся политика правящей команды, полна противоречий. Борьба с инфляцией, но не за счет падения производства и сокращения уровня жизни. Ориентация на собственные силы и одновременно надежда на помощь «старшего брата». Борьба с коррупцией и расширение функций государственных органов, стимулирующих злоупотребления чиновников.

Такая политика президента не случайна. Она обусловлена противоречивостью самой ситуации, в которую попал Лукашенко. Ведь популизм и реформы — явления малосовместимые. Электорат Лукашенко не станет его союзником в процессе реформирования общества. Трудно представить, что окажутся сторонниками президента граждане, поддержавшие Шушкевича и Позняка. Президент может потерять своих союзников и не приобрести других. Поэтому Лукашенко маневрирует, выступает с противоречивыми заявлениями, которые члены его команды вынуждены дезавуировать (высказывания о «воссоединении с Россией», о прекращении с 1 сентября роста цен и др.).

Чтобы не разочаровать своих избирателей, Лукашенко должен говорить то, что от него хотят услышать. А для журналистов и внешнего мира члены команды корректируют и подправляют его тирады. Президент вместе с соратниками пожинает плоды предвыборного популизма и становится его заложником.

Вместе с тем Лукашенко пока не освоил опыт президента Болгарии Желева, высказавшегося в том смысле, что глава государства — самый несвободный человек в стране, поскольку, в отличие от остальных граждан, он не может сказать то, что думает.

В этой ситуации совсем не случаен президентский тезис о том, что социальная защита населения будет обеспечена даже ценой потери темпов реформ. Но диалектика здесь такова, что социально обеспечить незащищенную часть населения возможно только в условиях эффективно работающей экономики, которая может возникнуть лишь в результате решительного ее реформирования. В политике существует правило: непопулярные среди населения меры может реализовать только популярный президент. Поэтому у Лукашенко существует сегодня уникальный шанс, который может исчезнуть уже через полгода.

Одно из противоречий в политике правящей команды, видимо, пока не осознанное ею, состоит в том, что социальные преобразования, объективно ведущие к становлению саморегулируемого гражданского общества, сокращению роли государства, хотят осуществить с помощью роста государственного вмешательства во все сферы общественной жизни, применения силовых, административно-командных методов. Не оспаривая необходимость жесткого регулирования властных структурами процесса реформ, тем более при отсутствии широкой социальной базы рыночных преобразований, нужно отметить, что есть пределы, за которыми государственный контроль превращается в тормоз, препятствует осуществлению поставленных задач.

Между тем, идея укрепления властных структур на всех уровнях стала

сквозной в выступлениях Лукашенко и его соратников. Очень знаменателен в этом смысле тезис, высказанный представителем главы государства в Верховном Совете Лебедько в интервью газете «Звязда» (3 сентября): «Я мечтаю дожить до времени, когда понятие "государственные интересы" станет сущностью, основой работы, образа мыслей, кодексом поведения каждого человека". Совсем недавно нам внушали, что "общественные интересы надо ставить выше личных», «прежде думай о Родине, а потом о себе». И вот снова предлагаются те же постулаты тоталитарного общества, только в новой окраске.

С учетом таких подходов вполне логичным выглядит предложение президента о назначении им лично председателей исполкомов районных и областных советов. Дискуссии, ведущиеся в политических кругах и прессе, сводятся к вопросу о том, кому должны подчиняться местные органы власти. Политическое сознание общества на генетическом уровне пронизано идеей иерархии. Большинство населения уверено, что все должны кому-то подчиняться. Независимость экономического субъекта, государственной структуры, газеты, отдельного человека отторгается, рассматривается как нечто инородное, как элемент «безвластия и анархии».

Упомянутое предложение президента, как и требование к Верховному Совету разрешить ему с помощью указов менять законы, направлены на расширение и без того немалых полномочий главы государства. Убежденность, что одна из причин кризиса состоит в недостатке власти у руководителей государства, ведет к тому, что по мере обострения социально-экономических проблем Лукашенко будет требовать себе все больше полномочий. Между тем в демократическом обществе, правовом государстве всевластия нет не только у президента, но даже и у народа. Власть последнего ограничивается правами и свободами граждан, на которые и народ не вправе посягать.

Нарастающий конфликт между президентом и Верховным Советом — новое и неожиданное явление для нашей политической жизни. Между тем в президентских республиках противоречие между исполнительными и законодательными властями — обычное дело. До сих пор у нас была парламентская республика (правда в весьма своеобразном виде). При таком государственном устройстве конфликт между правительством и парламентом невозможен, ибо первое формируется вторым и подотчетно ему. Кроме того в Беларуси произошло сращивание законодательной и исполнительной властей: около восьми десятков депутатов работали в структурах Совмина.

В условиях же президентской республики, в случае, если президент и большинство парламента представляют разные политические силы, противоречие между ветвями власти запрограммировано. Ведь глава государства и парламент имеют одинаково легитимный вотум доверия, полученный непосредственно от народа. Поэтому в демократических странах конфликт между исполнительной и законодательной властями является нормой политической жизни, а в конституциях и законах предусмотрены легитимные пути их разрешения.

Нельзя сказать, что у президента и большинства в Верховном Совете существуют принципиальные разногласия по основным проблемам государственной политики. Лукашенко ведь был самым активным представителем этого большинства. Сейчас в парламенте происходит перегруппировка сил, переоценка многими депутатами своего положения, отношения к президенту. Оказалось, что фракция «Беларусь» была создана лишь на основе безоговорочной поддержки правительства Кебича. С устранением последнего распадается и фракция.

Обостряющийся конфликт порожден перетягиванием властных полномочий. При слабости механизма обратной связи между избирателями и государственными структурами и контроля над властными институтами со стороны населения, отсутствии структурированных интересов гражданского общества все ветви власти и, в первую очередь, парламент выступают носителями самостоятельного корпоративного интереса. В рамках сложившейся у нас политической иерархии (должен быть кто-то самый главный) на первый план выходит не взаимодействие ветвей власти, а их противостояние. Это хорошо показал недавний опыт России.

Президент, аппелируя к народу, ссылается на мандат, полученный от него на недавних выборах, обвиняет Верховный Совет в том, что тот препятствует ему в короткие сроки навести порядок в стране, осуществить реформы. Парламент выступает под флагом защиты конституции. Все очень узнаваемо...

Мины, заложенные в конституции, созданной «под» Кебича, начинают взрываться. Плохо то, что слаб легитимный механизм разрешения конфликта, каким во многих странах является право президента распускать парламент. Срок, на который обычно избирается парламент во всем мире, — 4—5 лет — признан оптимальным, обеспечивающим стабильность в обществе. В условиях же наших бурных перемен этот срок оказался чудовищно длинным. За время, прошедшее после выборов 1990 г., мы пережили целую историческую эпоху.

Согласно новой конституции, Верховный Совет может самораспуститься досрочно, проголосовав за это решение двумя третями. Опыт деятельности нынешнего парламента показывает, что такая ситуация малореальна. Поэтому, хотя все действия нынешних депутатов проходят под знаком предстоящих выборов, можно предположить, что конфликт между исполнительной и законодательной властями будет продолжен и при новоизбранном Верховном Совете.

КАПИТАЛ-ЭКСПРЕСС
ХАРЬКОВ

В ЯНВАРЕ ЧИСЛО УКРАИНСКИХ БАНКОВ МОЖЕТ СОКРАТИТЬСЯ ВТРОЕ

Анализ Ассоциации украинских банков, проведенный на базе данных о балансах 82 банков Украины, свидетельствует, что сохраняются высокие темпы роста расходов банков в сравнении с темпами роста их доходов, а темпы роста налогов превышают темпы роста прибылей. Лишь два банка Украины из почти трехсот действующих в стране в настоящий момент входят в сотню крупнейших банков СНГ.

Показатель уставных фондов для украинских банков является одним из основных показателей развития. Национальный банк Украины предъявляет жесткие требования к размерам уставных фондов банков: вновь создаваемые должны иметь уставной капитал не менее 3 млн. ЭКЮ, уже действующие — должны довести свой уставной капитал до этой цифры к 1995 году.

Сейчас собственные капиталы 8 украинских банков равняются 3 млн. ЭКЮ, а около 22 имеют реальные шансы до конца года выполнить этот норматив. Еще около 20 банков смогут довести свой капитал до 3 млн. ЭКЮ, для чего от них потребуются серьезные усилия. Для остальных банков этот барьер не представляется достижимым.

В условиях реального налогообложения прибыли в размере 70% резко уменьшаются надежды акционеров украинских банков на высокие дивиденды. Акционерам ничего не остается, как надеяться на получение дивидендов в будущем, соглашаясь сегодня на увеличение собственного капитала банка. Вместе с тем некоторые банки имеют высокие прибыли, что, как правило, связано со значительной долей дешевых кредитных ресурсов.

По количеству денег граждан на депозитных счетах некоторые крупнейшие вновь созданные банки приблизились к бывшим государственным. Шесть из вновь созданных банков привлекли деньги населения более, чем по 100 млрд. карбованцев каждый. В настоящих условиях, однако, оборудование большого количества рабочих мест для работы с деньгами населения не является прибыльным делом. Кроме того, некоторые действия НБУ (резервирование процентов по вкладам, направление 10% привлеченных средств на кредитование сельского хозяйства, установление граничного размера процентов представленным кредитам) ухудшили условия работы с вкладчиками.

Показатели, характеризующие прибыльность банковской деятельности, значительно снизились по сравнению с такими же показателями в 1993 году. Это вызвано, в первую очередь, увеличением размера налогов. Такие показатели лучше у банков, не имеющих развитой сети филиалов, что требует значительных капиталовложений, а также у тех банков, которые имеют опережающий рост прибылей в сравнении с ростом капитала.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

ОЛЬГА АБРАМОВА, политолог

О БЕДНОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...

17 сентября в Минске заседала 4-я Ассамблея деловых кругов Беларуси с повесткой «О стратегии экономических реформ в республике». В работе Ассамблеи приняли участие ученые, руководители и специалисты более чем тридцати союзов, объединений, предприятий, финансовых, страховых и торговых организаций. Перед собравшимися выступили с речами президент Республики Беларусь А.Лукашенко и председатель правления Национального банка С.Богданкевич. Оргкомитет вынес на обсуждение следующие приоритетные проблемы социального и экономического реформаторства: «О социальном партнерстве» (Ю.Веселов, вице-президент Белорусского союза предпринимателей и арендаторов), «О бюджетно-налоговой политике» (А.Калинин, вице-президент Союза предпринимателей), «О финансово-инвестиционной политике» (А.Еловик, президент Белорусской гильдии брокеров), «О приватизации» (Н.Трифонов, президент Белорусской гильдии специалистов по недвижимости), «О развитии предпринимательства и малого бизнеса (В.Карягин, президент Союза предпринимателей),»О системной концепции оздоровления экономики" (Е.Довгаль, председатель Совета ассоциации предприятий) и «О правовых гарантиях» (А.Потупа, вице-президент Союза предпринимателей).

Выбор тем был не случаен. В комплексе они представляют концепцию экономических реформ работодателей негосударственного сектора республики (за исключением автономной версии «долевой собственности работников» Е.Довгеля). Насколько можно судить, бизнесмены были не столько заинтересованы в полноценном обмене мнениями в собственной среде, сколько в доведении своих специфических проблем до президента и в выяснении отношения главы государства к «бизнес-классу». После отъезда президента половина мест в зале сразу опустела. В публичных выступлениях большинство ораторов демонстрировало подчеркнутую лояльность лично А.Лукашенко. В ответном выступлении А.Лукашенко, как и накануне, в речи на республиканском совещании руководителей местного управления, проводил «новацию» — тезис о необходимости упрочения государственной независимости республики. Вскользь коснувшись социально-политических проблем общественного согласия, разделения властей, президент сделал упор на категории «порядка», идее сильной власти. Выразил озабоченность проблемой взаимоувязки требований свободного рынка и администрирования в сфере ценовой политики. Были обозначены желательные параметры контролируемой инфляции. Как и ожидалось, в условиях ужесточившихся экономических реалий президент поддержал идею введения собственной валюты. По вопросам разгосударствления и приватизации Лукашенко ограничился рассуждениями общего плана: «стандартные, »быстрые" методы приватизации должны сопровождаться нестандартными»; «основной целью приватизации должно стать повышение эффективности приватизированных форм собственности»; «приватизация должна перейти на микроуровень» и т.д. Общая идея — процесс приватизации не должен быть всеобщим и обязательным, а должен быть избирательным и постепенным. Главное — не наломать дров, иначе возможен социальный взрыв. Бремя преобразований должны нести все — и работодатели, и наемные работники. Опровергалось утверждение о приверженности нового руководства пророссийскому вектору. Говорилось об открытости Западу, настаивалось на необходимости не столько получения помощи, сколько налаживания торговли и обмена. Заключительная часть речи носила излишне полемический характер. С одной стороны, говорилось о стратегии общенационального сотрудничества, о готовности не реже раза в месяц встречаться с предпринимателями, узнавать их нужды. С другой, — вспоминались старые и новые обиды, нанесенные президенту некоторыми руководителями Союза предпринимателей в ходе президентской кампании, а также финансируемыми предпринимателями средствами массовой информации. В конце выступления жесткий тон и стиль высказываний президента были смикшированы обещанием привлечь деловые круги к формированию налоговой системы и бюджета. Возможно, на предпринимателях проводилась «обкатка» сценария сессии ВС РБ, которая будет нелегкой для исполнительной власти, если руководство депутатской группы «Беларусь» не перейдет на сторону президента.

Т. ХАМИЦЕВИЧ

Глава Нацбанка С.Богданкевич говорил о необходимости создавать региональные центры правовой поддержки предпринимателей, называл конкретные суммы и источники финансирования перспективных валютных проектов. Упрекал предпринимателей в отсутствии патриотических чувств, в том, что они держат значительные средства за границей. Способный, адаптируемый к ситуации политик, быстро усвоивший новую социальную риторику, С.Богданкевич отверг упреки в монетаризме, заявив о своей приверженности идее социальной защиты граждан, возложил часть ответственности на предпринимателей за раскручивание инфляции. По итогам Ассамблеи деловых кругов Беларуси были приняты запланированные резолюции «О социальном партнерстве» и о готовности к сотрудничеству с президентом Республики Беларусь.

Прогноз-диагноз президента из его речи на ассамблее — «Предпринимательству быть!» и публичные выступления участников бизнес-форума благодаря телевидению стали известны гражданам в тот же день. А вот что думают предприниматели о сегодняшней социально-экономической ситуации в Беларуси, каким видят свое место в ней, — это позволил определить социологический опрос, проведенный среди участников ассамблеи. «Групповой» портрет участника выглядит так. Это — мужчина в возрасте от 31 до 50, с высшим образованием, занятый в равной мере как производством товаров народного потребления, так и торговлей. Он не верит, что новая исполнительная власть обеспечит серьезный уровень политико-правовых гарантий для развития рыночных реформ. Не верит и тому, что в ближайшие 6—8 месяцев новое правительство значимо снизит уровень преступности и коррупции, остановит спад производства, снизит темпы инфляции до 10% в месяц. Он скептически оценивает перспективы развития фондового рынка, предпочел бы стратегию постепенной приватизации средней и крупной промышленности. Этот предприниматель не поддерживает ориентацию правительства на усиление государственного регулирования. И он же — парадокс! — главную цель своей стратегии в качестве собственника и менеджера на ближайшие 6—8 месяцев видит в максимальном наращивании инвестиций в развитие производства на своих предприятиях ("Фемида", № 38).

Предпринимательство в Беларуси пока не живет, а выживает. А ведь успех малого и среднего бизнеса — это новые товары и услуги для граждан, это прибыль казне в виде налоговых отчислений, это новые рабочие места, а значит, снижение социальной напряженности и конфликтности в обществе.

Для настоящего предпринимателя развитие его дела ничуть не менее значимо, чем извлекаемая прибыль. Сегодня деловых людей не шпыняет только ленивый. Тотальная критика в адрес отечественного бизнеса становится универсальным средством выпустить пар отрицательных социальных эмоций обывателя, напуганного ужасами переходного времени. Куда лучше и властям, и публицистам, и согражданам было бы повернуться к «бизнес-классу» лицом, а не иной частью тела, — все бы мы от этого только выиграли.

ЭТОТ ГЛУПЕЦ КАРНЕГИ

WPROST ПОЗНАНЬ

ОБРАЗ НОВОГО СОБСТВЕННИКА

Новая телевизионная версия польского фильма «Сорокалетний» еще раз — после длительного перерыва, с начала второй мировой войны — вводит в сферу культуры образ среднего класса — целую галерею его представителей. Возникает вопрос, каков он, этот класс сегодня? Ответа нужно ждать скорее в виде «Сорокалетнего», нежели «Будденброков».

Коллективный портрет мещанского класса после войны, по крайней мере, дважды появлялся в польском кино, но это были отзвуки исторического прошлого, опирающиеся на такие произведения, как «Кукла» Пруса и «Земля обетованная» Реймонта. Повесть Пруса, ставшая обязательным школьным чтением, с Вокульским в качестве положительного героя, воплощает традицию апологетики мещанства и даже его миссии. Повесть Реймонта, которая не стала обязательной для молодежи, с ее зловещим образом фабриканта из Лодзи, может считаться примером отрицательного портрета мещанства. Эти оба стереотипа — идеалистический и демонический — сильно укоренились в польской народной культуре.

В «Сорокалетнем» обобщенный образ воплощен в едва намеченной конфронтации европейского фасада — эти пышные имена, например Влодек Секонд Хэнд Маркит или Пиццерия Анджело — с находящейся внутри культурно-бытовой магмой. Все, что нарисовано на фронтоне свежей краской, немедленно обнажается сермяжной правдой тыла. Культура и соблюдение обычаев — таково излюбленное поле битвы, на котором интеллигенция сталкивается сегодня с новым классом. Новый класс собственников, действительно, не вынес из своего дома культуру денег (это требует поколений), а только упрощенное понятие о имущественном положении как источнике социального престижа. В критике культуры и обычаев нового класса разочарованный интеллигент обретает чувство превосходства, являющегося последней поддержкой ненадежного существования интеллигенции. Именно он, а не, например, пролетарий со своей архаичной этикой становится главным протагонистом нового собственника, но конфронтация проходит уже в области не экономико-социальной, а культурно-бытовой. Ах, интеллигент может часами говорить о ценностях, но не умеет их создавать, — слышу я трезвый ответ, — из этого не возникнет новая цивилизация. Чтобы она возникла, менеджер должен стоять выше в иерархии, чем профессор литературы, а что уж говорить о молодом исследователе мертвых языков!

Можно понять ироническую улыбку интеллигента в ответ на крик дамы из нуворишей: «Это же ящик с Пандорой!», на жест вчера разбогатевшего хозяина дома, который на приеме поднимает штанины брюк, чтобы показать гостям шелковые носки, или насмешку над порядком в доме, где несколько раз в день подают отбивную с капустой как символ сказочного богатства. Нельзя, однако, забывать о том, что китч вместо искусства, культурное и бытовое невежество сопутствовали молодому классу при раннем капитализме во всех странах.

Эндрю Карнеги, известный магнат, владелец сталеплавильных и металлургических предприятий в Питтсбурге, в документе 1911 года, открывающем фонд его имени, допустил несколько орфографических ошибок, что не лишило его заслуг в развитии американской промышленности. Ни один из корифеев искусства, выступавших потом в Карнеги-холл, не отважился на комплимент вроде того, что спонсор владел английским, как Байрон или Шекспир. Напротив, о нем неизменно говорили — «этот глупец». Сам Карнеги не догадался нанять несколько влиятельных интеллектуалов для ретуширования своего образа.

Существует тенденция либо идеализировать новый класс, поскольку он молод, хрупок и не может быть заменен, либо демонизировать - это новейшая и известная традиция. Было бы лучше создать новую традицию: видеть новый класс как конструкцию открытую и согласующуюся с действительностью, а не с какой-то доктриной, анти- или промещанской.

Для экономической и социальной динамики нового класса гораздо важнее политическая позиция, нежели восприятие с культурной или бытовой точки зрения. В такой бедной стране как Польша, где тонкий слой богатых семей явственно виден на фоне общей нищеты, политическая позиция класса начинается с вопроса: как общество оценивает общественное и экономическое неравенство. Традиционный эгалитаризм уже окончательно выветрился. Люди приняли к сведению, хотя и болезненно, что в рыночной экономике вознаграждается активность, а пассивность и летаргический сон влекут за собой экономический и социальный упадок.

Немецкие и англо-саксонские социологи утверждают, что люди склонны одобрять неравное положение, вытекающее из свободной конкуренции, в которой одни выигрывают, а другие проигрывают. Однако они не приемлют неравенство, когда налицо результаты кричащих дефектов в общественных отношениях, налицо разящая несправедливость, не поддающаяся постоянным реформаторским атакам. Поэтому в западных обществах постоянная готовность к переменам и реформам стала политическим каноном.

Неизвестно, какая из двух причин считается в Польше источником неравенства. Казалось бы — свободная конкуренция, ведь она приемлема и для выигрывающих и для проигрывающих, что для нового класса давало бы перспективу. Но некоторую тень на такое заключение бросает все более укрепляющееся в Польше убеждение, что экономический успех является скорее результатом криминальной деятельности, а не увеличивающейся конкуренции. Но преступность не является единственной причиной, а синтетическим результатом свободной конкуренции и дефектов в социальных отношениях. Криминализация образа предпринимателя и собственника была бы несчастьем, ведь она вела бы к сопротивлению неравенству со всеми вытекающими последствиями. Это семя упало бы на подготовленную почву в пауперизованной среде, подсказывая ей легкое объяснение жизненных неудач.

Была бы очень полезной для нового класса и для реформ такая перестройка системы права в Польше, чтобы не связывалась по рукам и ногам предприимчивость. С другой стороны, нужна поддержка процесса натурального самоочищения нового класса от наслоений, противоречащих этике частного предпринимателя. Ведь нет ничего хуже для свободного рынка и парламентской демократии, чем слабый средний класс, игнорирующий к тому же свой имидж.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

ЮРИЙ ВЕСЕЛОВ, член совета Белорусской конфедерации промышленников и предпринимателей

НАМ НЕОБХОДИМ СОЮЗ БИЗНЕСА И ПОЛИТИКИ

1994-й стал годом кардинальных изменений в общественно-политической жизни республики. Введена в действие новая конституция. В соответствии с ней избран первый президент. Суровую проверку в реальных условиях жесткой борьбы за голоса избирателей на президентских выборах прошли политические партии, общественные движения и объединения. Впервые на политическом ландшафте Беларуси обозначились потенциальные участники формирующегося политического процесса со своими программными документами и лидерами.

К глубокому сожалению, адекватных событий реформаторского толка в экономике за последний год не последовало. Социально-экономический кризис достиг своего максимума. На градуснике инфляции в августе было 53%. Прогноз специалистов до конца года также неутешителен.

Выход из сложившейся ситуации может быть найден лишь на принципах общественного согласия, поисков компромисса между различными социальными группами и слоями. Прежде всего мы должны решить, какую экономическую систему намерены получить в результате преодоления кризиса. Это принципиальный вопрос. Именно здесь концентрируются основные интересы пока еще недостаточно стратифицированной и организованной социальной группы промышленников и предпринимателей. Как и любая другая социальная группа, деловые люди имеют свои ярко выраженные специфические общественно-политические и экономические интересы. Сегодня в качественно новой обстановке перед ними стоит задача создать в рамках конституции и действующего законодательства действенный механизм защиты и лоббирования интересов бизнеса во всех сферах жизни общества. Мы исходим из того, что Беларусь, находясь в окружении дружественных государств, официально заявивших о своих намерениях строить демократическое гражданское общество с социально-ориентированной рыночной экономикой, просто «обречена» на проведение реформ. Поэтому, пользуясь терминологией стратегического менеджмента, хочу отметить, что национальный бизнес должен определить и довести до сведения всего общества свою миссию, цели и стратегию в процессе формирования новой модели социально-экономических отношений, характерных для государств с демократической, рыночной ориентацией.

Известно, что миссия любого бизнеса — это удовлетворение потребностей клиента. Следовательно, миссия и цель белорусского бизнеса, в первую очередь, — обеспечение благосостояния всего населения и стабильности на этой основе общества в целом. Успешная реализация зависит от выбора стратегии и партнеров. Опыт европейских демократических государств с рыночной экономикой говорит о том, что основными социальными партнерами национального бизнеса являются правительство и профсоюзы. Защита корпоративных интересов бизнеса в условиях рынка осуществляется в большинстве стран Европы в рамках системы социального партнерства или другими словами — трипартизма. Модель социальной политики, в основе которой лежит трипартизм, является адекватной рыночному хозяйству. Именно в рамках социального партнерства труд и капитал живут в мире. В Беларуси в настоящее время уже созданы основные предпосылки для реализации принципов трипартизма, который обеспечивает стыковку экономических и социальных интересов работодателей и наемных работников. Уже три года подряд заключается трехстороннее соглашение между правительством, объединениями работодателей и профсоюзов по вопросам социального партнерства. В прошлом году создан, но бездействует по вине правительства Согласительный совет Республики Беларусь по трудовым и социальным вопросам. Он призван контролировать и координировать ход выполнения генерального соглашения. К сожалению, привычка к административному стилю и методам управления, нежелание (по крайней мере до настоящего времени) строить социальную политику на основе принципов трипартизма перешли от правительства Кебича к новому кабинету министров и не позволяют раскрыть полностью потенциал социального партнерства. Непонимание диалектической взаимосвязи рынка и трипартизма со стороны всех ветвей власти может стать тормозом на пути столь необходимых для республики реформ. Для того, чтобы новая для Беларуси модель социальной политики, основанная на принципах трипартизма, стала государственной социальной политикой, необходимо, во-первых, ее законодательно оформить в виде конституционного закона «О системе социального партнерства в Республике Беларусь». Иначе статья 1 новой конституции так и останется простой декларацией, определившей Беларусь как «социальное правовое государство». Во-вторых, одновременно следует разработать и принять закон «Об объединениях работодателей в Республике Беларусь», т.к. соответствующие законы о кабинете министров и профсоюзах уже действуют, и лишь работодатели пока не легитимны как социальные партнеры.

Правовая основа трипартизма будет неполной, если не принять новый Гражданский кодекс и Трудовой кодекс, которые должны стать, по существу, экономической и трудовой конституцией нашего государства.

В качестве правовой базы трипартизма должны быть использованы общепринятые в мировой практике концепции и рекомендации международной организации труда. Реализация трехстороннего генерального соглашения в условиях социально-экономического кризиса требует, чтобы оно заключалось как минимум на два года. Любое решение требует тщательного обсуждения с каждой стороны и достижения консенсуса. Иначе оно не может быть реализовано в общих интересах.

Б. САЙТИНАК

С целью обеспечения активной защиты интересов бизнеса в рамках системы трипартизма представляется необходимым создание Национального обьединения работодателей Республики Беларусь, которое, являясь структурой зонтичного типа, взяло бы на себя формирование и проведение единой политики негосударственных работодателей в области социально-трудовых отношений. Предложенный механизм защиты корпоративных интересов бизнеса может эффективно действовать только в рамках определенной экономической политики государства. Ответственными за ту или иную экономическую политику являются Верховный Совет и президент с его кабинетом министров в рамках данных им новой конституцией компетентности и прав. Конечно, вполне понятна и законна заинтересованность бизнеса в необходимой ему экономической политике, как законно и право представителей бизнеса высказывать свое мнение по этому поводу. Но им самим, как и их представительным органам — союзам и ассоциациям — нельзя вмешиваться в экономическую политику, которая уже оформлена законодательно и реализуется президентом. Следовательно, чтобы защитить и лоббировать свои интересы в общественно-политической сфере, представители национального бизнеса должны принимать участие в процессе формирования самой политики. Как этого можно добиться?

Путей, на мой взгляд, два. Первый — это активное участие объединений промышленников и предпринимателей в избирательной кампании в новый парламент как путем самостоятельного выдвижения своих кандидатов в депутаты, так и путем блокировки с теми политическими партиями, которые являются адептами рыночной экономики и демократизации общества. Тем самым, если выборы будут проходить по смешанной мажоритарно-пропорциональной системе (что вполне вероятно), то бизнес может быть представлен в парламенте достойным числом своих представителей.

Второй путь — это создание «своей» партии, которая объединяла бы единомышленников-прагматиков, понимающих, что поворот от рынка и демократии ведет к политической и экономической монополии и диктатуре. Нужно многое сообща осмыслить и обсудить. Сегодня единственная сфера, в которой мы достигли изобилия — это количество политических партий и общественно-политических движений. Так есть ли смысл дополнять список еще одной партией, которая к тому же на первых порах не претендует на массовость? Провал Партии Экономической Свободы Константина Борового на выборах в Государственную Думу в России более чем показателен. Если без участия в выборах нельзя отстаивать свои интересы, тем более, что после принятия новой конституции объединения промышленников и предпринимателей лишились права законодательной инициативы, то почему бы не примкнуть к одной из существующих партий, благо их политический спектр, кажется, включает все возможные варианты? Но, прикинув и так и этак, все же прихожу к твердому выводу — бизнесу нужно строить свою партию. Даже если взять во внимание названия существующих в республике политических формирований, то отчетливо виден национальный аспект у большинства из них. Разыграть национальную карту подмывает многих.

Другой любимый конек у некоторых деятелей от политики — чрезмерное увлечение суверенитетом республики. Они играют на естественной тяге людей к свободе, уводя их в тупиковый путь изоляционизма. Об этом свидетельствует опыт многих. Наши интеграционные связи с Россией, Украиной настолько тесные, что любая форма изолированности моментально посадит нас на мель в экономическом плане.

Между тем, потребность к объединению промышленников и предпринимателей на единой общественно-политической платформе, бесспорно, назрела. Рыночные преобразования, по существу, пробуксовывают, едва начавшись. Негосударственный сектор экономики растет медленно, хаотично. На пути реформ завалы несовершенных законов, инструкций, огромная чиновничья рать, толкующая законы в свою пользу. Если продолжать катиться по инерции, работать в режиме организованного хаоса, то неизбежным будет социальный взрыв.

Тогда будут сметены хрупкие постройки рынка, которые удалось возвести с таким трудом. Поэтому и нужна партия прагматиков и реформаторов, объединяющая не только представителей бизнеса, но и людей, понимающих, что рынку и демократии альтернативы действительно нет. Это должна быть партия чуждая любым националистическим проявлениям в силу хотя бы того, что бизнес по своей природе интернационален. Партия будет иметь право законодательной инициативы в парламенте. Тем самым она будет лоббировать интересы национального бизнеса на деле, а не на словах, как это имеет место сегодня. Именно такая партия может стать политической опорой первого президента, назвавшего предпринимателей на IY Ассамблее деловых кругов «генофондом нации». И президенту и национальному бизнесу остро необходимо крепкое государство, в котором все граждане имеют равные возможности.

ESSAI

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА

ВАЛЕНТИН ПЕТРУШИН, доктор педагогических наук

ФРЕЙД, ИНЦЕСТ И ПЕРЕСТРОЙКА

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ ПСИХОАНАЛИЗА

На происходящее с нами можно смотреть с разных точек зрения и позиций. Можно сравнивать нашу жизнь с той, которая была во времена нэпа, можно посмотреть на нее с позиции японского или бразильского экономического чуда, можно с точки зрения столыпинских реформ и реформ Петра Первого. Количество взглядов на действительность в эпоху плюрализма и демократии безгранично, и каждый новый подход может дать свою пищу для тех или иных размышлений. Я же попытаюсь рассмотреть происшедшие перемены в нашей жизни с позиций классического психоанализа, благо этот подход встречается довольно редко в нашей публицистике.

МЫ

Итак, Зигмунд Фрейд, создатель упомянутого метода, утверждал, что в индивидуальной и общественной жизни человека доминируют не сознательные, а бессознательные импульсы, главным образом сексуального характера. Государственные институты, религию и мораль великий австриец рассматривал как сублимацию сексуальной энергии, т.е. своеобразное переключение ее с низших форм на высшие. Последователи Фрейда, среди которых мы видим имена К.Хорни, Э.Фромма, Г.Салливана, обогатили ортодоксальный психоанализ новыми подходами, перенеся акцент в своих выводах о природе человека и общества на социальные процессы. Но важнейшие выводы психоанализа и его методы не претерпели существенных изменений.

Итак, первый вопрос — что же это было за общество, в котором мы прожили 70 лет.

СОВЕТСКИЙ МАТРИАРХАТ

Социологи и политэкономы давали государственному устройству, организованному большевиками, довольно много самых разных определений. Здесь мы видим и «государственный социализм», и «индустриальный социализм» и «казарменный коммунизм», и «уравнительный социализм» и т.п. Все эти определения несли свою долю истины, и общим в них была попытка определить принцип работы в обществе «на общий котел». Из этого «котла» каждому впоследствии выделялась своя доля, обусловленная заслугами, привилегиями, необходимостью и т.д. Но с точки зрения психоанализа, одна важная деталь исчезала из этих определений — а именно — связь уравнительного жизнеобеспечения с древними формами общественной жизни.

Один из выводов необычайной для нас науки революционологии (хотя мы все в душе — ох, какие революционеры), гласит, что после свершения насильственной революции, разрушающей экономические устои общества, оно оказывается отброшенным далеко назад и вынуждено повторять прежние периоды своего развития (пусть и в несколько измененной форме). Это происходит в точности так же, как и у человека, перенесшего тяжелую болезнь и вынужденного заново учиться ходить, есть, писать, говорить. Анализируя стиль экономической и духовной жизни, который получила Россия в результате смелого большевистского эксперимента, мы можем сказать, что страна получила не «казарменный коммунизм» и не «уравнительный социализм», а разновидность древнего матриархата, основанного на принципах уравнительной справедливости, незыблемости приоритета родственных связей над всеми остальными и свирепой враждебности к чужакам — представителям не своего племени.

Со страниц школьных учебников и хрестоматий советского периода, произведений искусства и литературы той поры проходит героический образ Матери-Родины, руководящей и направляющей дела своих питомцев устами Коммунистической Партии подобно тому, как это делали жрицы небезызвестного греческого храма в Дельфах. Родина, мать и партия — три существительных женского рода определяли и направляли каждое движение советского человека. За блага он должен был быть послушным, верить в то, что ему говорят, и не доверяться больше никому — никаким вражьим голосам и философам, не разделявшим «всесильное» учение. Партия, действовавшая от имени Родины-матери, была не только добра, но и справедлива, и сурово наказывала тех, кто, как ей казалось, сомневался в ее правоте. Сомневающихся и отступников, как известно, перевоспитывали тюрьмы и лагеря. Чаще всего такое воспитание заканчивалось смертью. Таким образом, упомянутая «святая троица» содержала в себе как созидательные, так и губительные силы новой государственной системы, но в этом единении было заложено изначально нечто, что и привело ее впоследствии к краху. Но для начала нам надо разобраться в том, что такое инцест.

ИНЦЕСТ

Это понятие является одним из определяющих в концепции Фрейда. Им он объяснял глубоко внедренную в сознание человека страсть к кровосмешению, сексуальным связям между ближайшими родственниками. Эти связи, оказывается, были очень распространенными в условиях древнего язычества и матриархата. Лучше всего это иллюстрируется знаменитым мифом об Эдипе, который Фрейд избрал для объяснения своих положений.

В древнем мифе о фиванском царе Эдипе, случайно убившем своего родного отца и по неведению женившегося на своей матери, боги жестоко карают Эдипа. На город Фивы, в котором он правил, боги посылают моровую язву, а сам Эдип слепнет и погибает после того, как узнает тайну своего происхождения.

Почти у всех народов мира мы находим строжайшее табу, т.е. запрет на кровосмесительные, т.е. инцестуозные связи, так как они ведут к быстрому нарастанию неблагоприятных генетических изменений в организме, которые, естественно, ведут к вырождению как отдельного рода, так и племени в целом.

Однако вся важность открытия Фрейда заключается в том, что инцест может иметь не только биологическую, но и психологическую природу. Она заключается в бессознательном стремлении человека как можно дольше находиться возле своей матери, в своей семье, в своем племени, которые дают ощущение безопасности, тепло, кров и еду. Но, оставаясь в кругу своей семьи, передоверяя заботу о себе кому-то другому, равно как и все другие важные жизненные решения — где, как, с кем жить, на какие средства, человек по-настоящему никогда не сможет стать взрослым, имеющим силу и мужество брать на себя ответственность за свою судьбу. На уровне советского общественного матриархата от него это и не требовалось. Высокие инстанции Партии-Родины-Матери в лице чиновников со Старой площади решали все за него сами — сколько ему положено зарабатывать, какую иметь жилплощадь, сколько работать и отдыхать. Надо сказать, что очень многих людей такое положение очень даже устраивало, и они не понимали, что стали жертвами социально-психологического инцеста.

«В процессе социальной эволюции, — как отмечает Э.Фромм, — домашними и родными для человека становятся племя, нация, государство, класс, политическая партия, множество других конституционных форм и организаций. Здесь и корни национализма и расизма, которые, в свою очередь, суть симптомы человеческой неспособности воспринимать себя и других людей в качестве свободных существ». Далее в этом же эссе автор делает очень важный вывод, утверждая, что «развитие человечества идет в направлении от инцеста к свободе. В этом ключ к объяснению универсальности табу на инцест».

Чтобы человек стал по-настоящему человеком, он должен суметь разорвать навязанные ему инцестуозные путы, порвать не только биологическую, но и психологическую пуповину, привязывающую его к идеологическим нормам и представлениям окружающей его среды. Это требование личностного развития мы находим в Ветхом и Новом заветах, и отход от инцеста, с точки зрения психоанализа, является одним из главных достижений нынешней перестройки.

НАРЦИССИЗМ

Другой важной особенностью советского матриархата был его безудержный нарциссизм. В греческой мифологии богиня мести Немезида, внемля мольбам отвергнутых Нарциссом женщин, наказала его тем, что он влюбился в собственное отражение и в конце концов умер от любви к самому себе.

В психоаналитической трактовке нарциссизм — одно из крайних проявлений инцеста, когда сексуальные влечения направляются человеком на самого себя. В этом случае к нарциссизму начинает примешиваться бред величия как следствие переоценки собственной значимости в окружающем мире. И нарциссизм, и бред величия в нашем недавнем прошлом можно было видеть на каждом шагу. Какое бы произведение искусства, официально признанное, той поры мы ни взяли, везде мы видели воплощение догмы, согласно которой «Партия наши народы сплотила в братский единый союз трудовой, Партия — наша надежда и сила, Партия — наш рулевой» (С.Михалков).

Надо сказать, что способность советских людей к очаровыванию мечтами о светлом будущем, вера в мифы и сказки о коммунизме была довольно прочна. Напряженная духовная работа в годы хрущевской оттепели давала убеждение, что вот-вот, еще немного и мы будем в прекрасном царстве добра, мира и справедливости. Песни, фильмы, романы, спектакли той поры погружали человека в мир гармоничных отношений с другими людьми, природой, обществом. Прямо скажем — эта очарованность идеалами, к сожалению, тоже имела нарциссическую природу как ответ на подавляющую стать мощного и грозного государства, которому под силу выигрывать кровопролитные войны, покорять космос, делать разрушительные бомбы, побеждать болезни и эпидемии, указывать другим народам и странам самый верный путь исторического развития. При этом многие наши соотечественники по стандартам развитых стран были просто бедны, угнетены властью и, не имея настоящей свободы, не осознавали своего бедственного положения. Один западный турист, посетивший нашу страну в 70-е годы, сказал примерно следующее: «Русские люди действительно выглядят очень счастливо. Но почему-то мне кажется, что это происходит от того, что они не осознают, как плохо они живут».

«Нарциссическое самодовольство собственным идеалом, — читаем мы у Фрейда, — противодействует разрушительным настроениям внутри данного культурного региона. Идеалы дают право презирать чужаков и вознаграждают угнетенных людей за их униженность в своем собственном обществе. »Пусть я жалкий, задавленный долгами и воинской повинностью плебей, но зато я римлянин, имею свою долю в общей задаче покорять другие народы и предписывать им законы".

По Фрейду, нарциссический тип личности возникает чаще всего в суровых тоталитарных режимах как следствие проявления все того же комплекса Эдипа. Переживая его, человек стремится эмоционально слиться с фигурами и символами власти, замещающими фигуру отца. Советская троица «Партия-Родина-Мать» и была такой фигурой власти. Но ее особенность заключалась в том, что порядок поддерживался не столько женской лаской, сколько кованым сапогом, а права человека, записанные в Конституции, подчинялись известному телефонному праву, которое по своей сути было то же самое, что «право первой ночи» у средневекового феодала. Партийный бонза соединял в себе функции законодательной, исполнительной и судебной власти, и это было еще одним проявлением социального инцеста. Но такое положение приводило к тому, что ни одна из этих ветвей власти не могла развиваться самостоятельно, и гражданское общество, по существу, умирало в объятиях матриархатной троицы. Уникальный институт так называемой «номенклатуры», с точки зрения психоанализа, был детищем идеологического кровосмешения, неизвестного в свободных демократических странах.

Как Фрейд, так и его последователи Хорни и Адлер полагали, что для нарциссического типа личности характерно так называемое расколотое сознание, в котором на внешнем уровне находится идеализированное, фальшивое грандиозное «Я», а на внутреннем —

— «Я» пустое и малоэффективное, которое не в силах справиться с проблемами, доступными для здорового человека, не отягощенного неврозом. Подобная же картина происходит и в обществе. Подростковая похвальба военными парадами и мощным вооружением, успехи балета, полеты в космос, чистота в метро, бесплатное образование и здравоохранение — все эти достижения при ближайшем рассмотрении оказываются аналогом грандиозного «Я» советского общества, замешанного на инцестуозных связях партийной идеологии со всеми сферами жизни. За фасадом этого благополучия находилось слабое и неэффективное общество, занимавшее в пору своего заката 50-е место в мире по уровню жизни, 28-е место, по данным ЮНЕСКО, по уровню потребления культуры, одно из первых мест по количеству абортов и детской смертности, загрязнению окружающей среды промышленными отходами.

Инцест партийной идеологии с искусством лучше всего иллюстрируется словами писателя Михаила Шолохова, который декларировал, что «каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством». Совсем недавно эти строки можно было читать во многих учебниках по литературе. В результате этого инцеста рождались такие «шедевры», как повести генсека Л.Брежнева, пьесы А.Софронова, фильмы Г.Александрова.

Инцест в области физиологии ведет к генетическим мутациям в организме человека. Инцест в области сознания ведет к изменениям в характере человека. В обоих случаях следствием выступает вырождение — на уровне здоровья и на уровне нравственном. С легкой руки писателя Чингиза Айтматова, поведавшего в повести «И дольше века длится день» легенду о манкуртах, этот образ человека, не имеющего исторической и национальной памяти, прочно вошел в публицистику наших дней как характеристика советского человека.

(окончание на стр. 9)

PERSONALIA

LE FIGARO

УМБЕРТО ЭКО: "И ВЕЛИКИЕ УЧЕНЫЕ УВЛЕКАЛИСЬ СПИРИТИЗМОМ"

Итальянский ученый-энциклопедист, философ, мыслитель, специалист по семиотике — науке о знаках, Умберто Эко завоевал всемирную известность своим романом «Имя розы», опубликованным в 1980 году. Критики назвали его метафизическим детективом и путеводителем по средневековью. Действие происходит в бенедиктинском монастыре XIY века. С тех пор он издан во многих странах общим тиражом более 10 миллионов экземпляров. Несколько лет назад вышел на экраны великолепный фильм, поставленный по книге Умберто Эко. Огромный успех был и у его второго романа — «Маятник Фуко». Обе книги переведены на русский.

— Наряду с Александром Солженицыным, Норманом Мейлером и Габриэлем Гарсия Маркесом вы один из тех редких писателей, что имеют поистине мировую славу, — заметил корреспондент «Фигаро».

— Если вы под этим подразумеваете то, что меня переводили даже на китайский и арабский, то это действительно так. Но объяснить причины своей популярности я затрудняюсь, — парировал Умберто Эко.

— Но у вас есть, наверное, какой-то рецепт популярности?

— Если бы он у меня был, то я бы его продал за 10 миллиардов франков. Просто я всегда следовал в своей жизни одному правилу: если ты сержант, не пытайся сразу стать полковником. Не следует перескакивать через несколько ступеней. Я — терпеливый человек. Разумеется, как все безумцы, которые пишут по три строчки в день, отношусь к своему труду так, словно я Платон или Гомер. Но, поверьте, я на это не претендую.

— Когда вы пишете роман, то всегда дополняете его собственными рисунками. Почему?

— Однажды журналист заметил: в ваших книгах чувствуется пространство. Я стал думать над этим. Действительно, я всегда рисую место, где разворачиваются события моих книг, и даже портреты моих героев. В романе «Имя розы» я нарисовал, например, на бумаге аббатство со всеми его лабиринтами.

— Занимаетесь ли вы скрупулезным уточнением деталей?

— Да, как маньяк. Если, например, я пишу: «Поезд сделал пятиминутную остановку на вокзале Пуатье, и он вышел из вагона купить газету», то обязательно еду туда, чтобы проверить, возможно ли это.

— Такая точность — особенность вашего творчества?

— В этом нет ничего оригинального. И Золя делал это. Пожалуй, в стремлении к точности я иду порой слишком далеко. Мой компьютер, может, например, дать ответ на вопрос, каким было небо над Дижоном в ночь с 15 на 16 апреля 1325 года и выдать небесную карту. Я могу узнать положение Луны в тот или иной час ночи. Не потому, что стремлюсь к реализму, скорее, из-за суеверия. В этом я, конечно, не одинок. Висконти, когда снимал «Леопарда», требовал, чтобы в шкатулках были настоящие драгоценности — это, по его мнению, помогает актерам.

Изучая «Трех мушкетеров», я обнаружил, что Александр Дюма поселил Арамиса в доме на улице Сервандони. Действие романа происходит в 1615 году, а Сервандони (итальянский художник и архитектор XYIII века. — Ред.) нарисовал фасад стоящей на площади церкви лишь столетие спустя, да и сама улица носит его имя лишь с 1806 года. Стало быть, Арамис жил на улице, которая не существовала. В конце концов я обнаружил, что улица Сервандони называлась раньше улицей Фоссуайер (могильщиков). Так я порой пытаюсь найти противоречия в романе... Знаете, чтобы написать несколько строчек, мне иногда приходится терять несколько дней.

— Вас часто называют человеком эпохи Возрождения. Вы поражаете познаниями в разных областях. Какой из изучавшихся вами наук вы отдаете предпочтение?

— Если бы я писал только эссе, то в них обязательно бы присутствовал повествовательный элемент. Сочиняя я лишь романы, в них непременно был бы элемент философский... Правда, и в этом я не одинок. Романы сочиняли многие теоретики и философы. Например, Жан-Поль Сартр. Ну, а Гете писал не только стихи, но и научные эссе.

— Вы уже были известным ученым, когда решили написать свой первый роман. Что вас к этому побудило?

— Я тогда приближался к 50-летнему рубежу. Мог бы, скажем, попытаться совершить восхождение на высочайший пик в Гималаях, но предпочел написать роман... Когда мои дети были маленькими, я рассказывал им всякие истории. Сейчас они выросли, и мне уже некому их рассказывать.

— Вы продолжаете преподавать. И никогда не откажетесь от этого?

— Самое прекрасное в преподавании — это то, что вы каждый день имеете дело с 20-летними людьми, которые провоцируют вас своими вопросами.

— Вы уже давно занимаетесь поиском идеального языка. Удалось ли добиться успеха на этом поприще?

— Я занимаюсь историческими исследованиями, которые велись в поисках такого языка на протяжении веков. То, что интересуюсь таким языком, не значит, что я в него верю. Пытаюсь понять, почему столько людей в течение столетий увлекались этой утопией. И сегодня многие европейские страны, включая Францию, задаются вопросом: каким будет европейский язык завтрашнего дня?

— Но разве таким языком уже не стал английский?

— Нельзя считать английский язык совершенным языком. Он сегодня играет роль средства общения. Но завтра может случиться так, что в объединенной Европе страны откажутся от английского и захотят иметь новый искусственный — общий для всех язык.

— Таким утопическим языком был эсперанто...

— Вчера он был утопией. Но никогда не удастся создать единую Европу, не решив проблему взаимопонимания. Когда встречаются люди из разных стран Старого света, они должны уметь общаться. Здесь мы очень отстали. Сегодня по-прежнему преподают языки, не учитывая их роли в современном мире. В совершенный язык я не верю, но считаю необходимым существование языка общения.

— Вы также увлекаетесь оккультными науками и различными тайными обществами. Может быть, вы рационалист, которому нравится заниматься ирреальным?

— Однажды меня назвали византийским Вольтером, что мне понравилось... Верю, что можно быть скептиком по натуре и одновременно погружаться в оккультизм. Возможно, я похож на тех людей, что садятся в бочки, которые бросают в пучины Ниагарского водопада.

— Вы верующий человек?

— У меня была интересная религиозная жизнь до 22-летнего возраста.

— Что же произошло потом?

— Есть люди, которые изучают Маркса и становятся христианами. Я же изучал Фому Аквинского (философа и теолога XIII столетия. - Ред.), но его вера и убеждения не стали моими.

— В «Маятнике Фуко» вы пишете: «Проблема не в том, что люди больше ни во что не верят, а в том, что они верят во все»...

— Познакомьтесь с биографиями великих ученых-позитивистов XIX столетия, и вы обнаружите, что они проводили время, занимаясь сеансами спиритизма. Человек — религиозное животное, и чувство веры в святое выполняет одну из его физиологических функций. Как слюна... Перечитаем Спинозу. Так называемые могучие умы, остававшиеся бесчувственными к религиозной стороне жизни, увлекались колдовством.

— О вас говорят, что вы писатель без какой-либо главной идеи. Как вы на это реагируете?

— Какой, по-вашему, была главная идея Кафки?

— Он говорит нам: «Все в мире черное».

— Ну а Джойса?

— Он говорит нам: «Все в мире серое».

— Изучая научные работы Платона или Эйнштейна, можно с большим трудом обнаружить тезис, который и является их посланием. Что же касается художественного творчества, то, напротив, надо сделать все для того, чтобы такое послание нельзя было распознать. В противном случае, вы либо безумец, либо замаскированный эссеист. Я же довольствуюсь тем, что рассказываю о противоречиях окружающей нас действительности.

— Когда выйдет в свет ваша новая книга?

— Восемь лет прошло между публикацией первого и второго романов. Роман — это Вселенная. Господу Богу понадобилось несколько миллионов лет, прежде чем он решил создать мир, в котором мы живем (улыбается). Так что, пожалуйста, дайте мне немного времени.

ФРЕЙД, ИНЦЕСТ И ПЕРЕСТРОЙКА

(окончание. Начало на 8 стр.)

Хотя официальная идеология безапелляционно утверждала, что сущностными чертами советского человека является признание им первенства общественных интересов, осознание труда на благо общества как высшего смысла жизни, принятие в качестве норм общения с другими людьми принципов братства и интернационализма, действительность показывала нечто другое. Известный критик Ю.Буртин, проанализировав героев литературных произведений 80-х годов, пришел к выводу, что в обществе господствующим типом «стал человек равнодушный, ни в чем по-настоящему не заинтересованный, легко произносящий любые слова, но ничего не переживающий слишком глубоко, разучившийся стыдиться и презирать, работающий без удовольствия и вполсилы».

Сегодня мы сделали большой шаг в направлении от инцеста к свободе. У нас, наконец, произошло более или менее четкое разделение законодательной, исполнительной и судебной власти; художники, ученые-обществоведы, журналисты получили свободу слова, но как же сильно желание власть предержащих накинуть узду на их мнение и тем самым проявить свои иацестуозные желания! Надо хорошо представлять себе, какие последствия из этого могут произойти. Всякая регламентация здесь грозит деградацией общества.

Освобождение от инцеста — только один из первых шагов в нашем нынешнем Возрождении. Их надо сделать еще много. Но экономические проблемы перестройки не могут быть решены без решения проблем, связанных с психологией человека и, в первую очередь, его самосознанием. Демократическое общество, которое мы пытаемся создать в нашей стране, представляет собой более высокую ступень общественного развития, и люди, живущие в нем, должны обладать соответствующими морально-психологическими качествами. Невозможно построить современный компьютер, используя в нем традиционные электрические реле и приводы, как невозможно управлять современным авиалайнером, обладая знаниями и навыками колхозного тракториста. Поэтому как бы ни старались законодатели и экономисты, мы не сможем организовать жизнь по демократическим законам, пока не перестроим психологию людей. И поэтому трижды прав был Л.Толстой, когда в одном из своих обращений к русским людям написал: «Для того, чтобы положение людей стало лучше, надо, чтобы сами люди стали лучше... Для того же, чтобы люди становились лучше, надо, чтобы они все больше и больше внимания обращали на себя, на свою внутреннюю жизнь». Непреходящие ценности любого демократического общества — свобода, справедливость, равенство дают свои всходы только в сознании тех людей, умы которых для этого соответствующим образом подготовлены. Пока же на примере представительной власти мы слишком часто убеждаемся в том, что эти прекрасные понятия используются ловкими пройдохами для организации своей частной жизни. Тем не менее сегодня, как никогда, мы нуждается в сильной руководящей идее, которая помогла бы людям оторваться от земли и посмотреть на звезды. Но, наверное, еще сильнее нам нужны яркие личности, которые были носителями этих идей. Именно поэтому возвращение Солженицына в Россию проходит под знаменами народного энтузиазма — в нем видят носителя такой идеи. Подобно библейским пророкам, разрывавшим путы инцеста и направлявшим свои народы к новым берегам, великий писатель так же, как и они, является одним из великих борцов против инцестуозного поклонения русских людей советской государственности.

БЫТЬ ПОДВИЖНИКОМ И ЖИТЬ НЕ В ЛАДУ С СОВЕСТЬЮ -- НЕВОЗМОЖНО

С ДИРЕКТОРОМ НАЦИОНАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ БЕЛАРУСИ ЮРИЕМ КАРАЧУНОМ БЕСЕДУЕТ КОРРЕСПОНДЕНТ "ЕВРОПЕЙСКОГО ВРЕМЕНИ" ЛЮДМИЛА СЛАВНОВА

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Родился в 1931 году в Минске. Учился в Минском художественном училище у В.Цирко и Московском полиграфическом институте у А.Гончарова. Преподавал в школе, работал художественным редактором... С 1977 года — директор Национального художественного музея Беларуси. Председатель Белорусского национального комитета международного совета музеев (ICOM). Заслуженный деятель искусств.

— Юрий Александрович, что такое культура в наши «дни сомнений и тревог»?

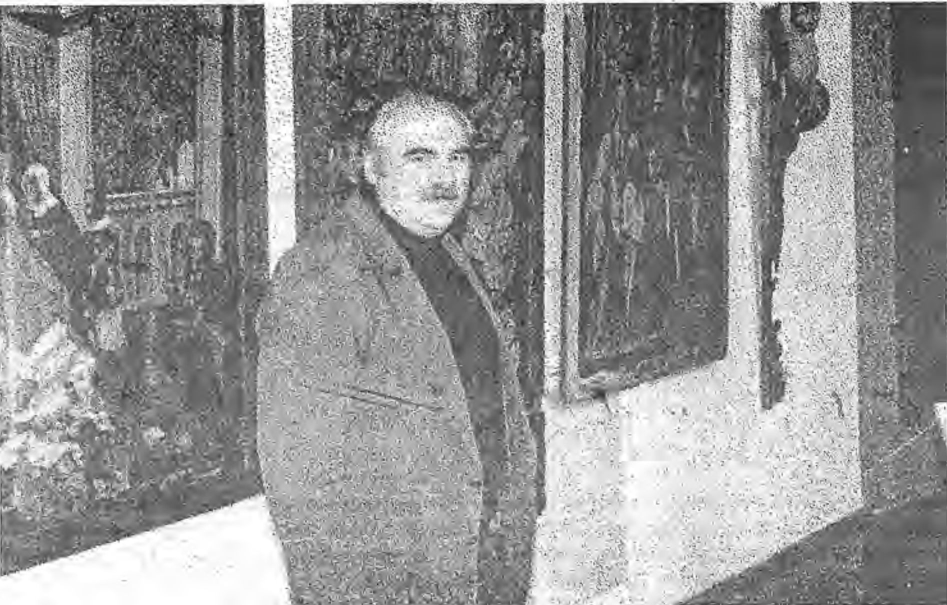
— Когда сегодня говорят, что мы должны сначала поднять экономику, а потом, когда-то, будем заниматься культурой, человеческой душой, человеческой сущностью, то это иллюзия — не более того. Я совершенно убежден, что, будь наше общество на должном уровне культуры, как первичного условия развития экономики, мы могли бы избежать многих потрясений и бед, которые обрушиваются на наши головы. Экономика ведь сама по себе ничего не решает и ничего не значит вне человека и его личностной культуры. Я могу даже больше сказать. Прежний режим потерпел крах именно потому, что нивелировал личность, индивидуальность, подчинив человека своим экономическим и политическим целям. Хотя хорошо известно, что культура есть способность человека мыслить, анализировать. Именно культура превращает нас в гуманных, разумных критически мыслящих существ с моральными обязательствами. Именно с помощью культуры мы различаем ценности и делаем выбор. Через культуру человек осознает себя как незавершенный продукт природы, критически осмысливает свое прошлое и настоящее, ищет новый смысл существования и создает то, что отражает его сущность.

— Что же тут может изобразительное искусство?

— Искусство вообще я рассматриваю в диалектическом единстве духовной и материальной деятельности человека. Практически все, что окружает человека в повседневной жизни — продукт, рожденный под глазом художника. Не важно, назовем ли мы его дизайнером или конструктором, или еще как-нибудь. Фактически без творчества художника ничто не рождается и ничто не существует.

Но не надо забывать и о том, что изобразительное искусство — своеобразный поиск человеком собственного «я» в окружающем мире. Отсюда, видимо, огромная значимость его в становлении нравственных начал человека. Может быть именно поэтому многие мыслители рассматривали его как мощное воспитательное средство. Я бы еще добавил, что изобразительное искусство во многом как никакое другое является той зрительной, осязаемой нитью, которая связывает поколения и эпохи.

— Если согласиться с выводами некоторых ученых и предположить, что настоящего как такового нет, что это всего лишь, как они утверждают, вспышка сознания, что вечность прошлого равна бездне будущего, что прошлое существует реально, а не в чьей-то памяти (кстати, эту теорию они называют законом сохранения времени), то как с этой точки зрения можно оценить судьбы нашего культурного наследия?

— Ну это совсем как в песне. Если рассматривать отрезок нашего времени, так это только миг между прошлым и будущим, но ведь все-таки именно он называется жизнь. А эта жизнь нам совершенно не безразлична. Мы, естественно, делая что-то сегодня, закладываем некие основы для будущего. И одновременно прилагаем какие-то усилия, чтобы сберечь предыдущее. И все же оценки происходящего сегодня могут быть только во времени. Мы у себя в музее имеем возможность приобретать произведения искусства, включаем их в основные фонды. И тем не менее пройдет, может быть, лет 50, а то и больше, прежде чем будет по-настоящему оценено то или иное произведение. Примеров тому масса. Если обратиться к таким мастерам белорусского искусства, как, скажем, Астапович, то к его творчеству достаточно прохладно относились в 30-е годы. Теперь же мы с огромным интересом разыскиваем каждую его, пусть даже небольшую графическую работу, тщательно изучаем и систематизируем его наследие.

Есть понятие коньюнктуры в искусстве. Коньюнктура политическая. Коньюнктура личностная. Так вот именно те художники, у которых полностью отсутствовала любая коньюнктура, останутся в памяти человеческой, очевидно, на века. И тем не менее не все так просто. Обратимся хотя бы к нашему недавнему прошлому, когда в искусстве господствовал известный «метод социалистического реализма», который породил когорту художников-коньюнктурщиков. И все же они оставили после себя и весьма ценное наследие, которое тоже никак отрицать нельзя. Я могу назвать, например, в русском искусстве Александра Герасимова, который слыл тяжелейшим человеком, с очень сложным характером, был ярым сталинистом. Он автор портретов многих лидеров Советского государства. И в то же время это был блестящий мастер, живописец, у которого работы, выполненные за пределом коньюнктурной тематики, считаются произведениями мирового значения. Достаточно вспомнить его «Мокрую террасу». Мы можем сегодня достаточно критично относиться к Азгуру, сотворившему несколько однообразных памятников. Но ведь у него есть вещи и высокохудожественные. Такие, как «Портрет Рабиндраната Тагора», или «Портрет Лу-Синя», серия портретов белорусских князей, Кастуся Калиновского... Это все, безусловно, останется в нашем наследии.

— А как выглядит в этом контексте искусство белорусской эмиграции? Существует ли в нем некая художественная школа?

— О школе изобразительного искусства любой эмиграции говорить не приходится. Художники, приехав в другие страны, впитали в себя часть их культуры и сами методы изобразительного искусства, течения, которые там существуют. Яркий тому пример — выставка Тамары Стагнович, которая экспонируется у нас в музее. Художница приехала в Соединенные Штаты по сути совсем юной, там же получила образование, то есть прошла через школу по существу американскую. Стаганович по духу своему художник-реалист, но с белорусской школой она практически никак не связана.

Мне вообще достаточно часто приходится знакомиться с работами художников-эмигрантов из многих стран. Все они очень разные, но объединяет их, если можно так выразиться, именно привязка к тому месту, где они творят. Или наоборот — разъединяет... Есть просто художники, выходцы из Беларуси, есть более талантливые, есть менее... Но есть и такие, которым все же удалось каким-то образом сохранить свое лицо. Это в большинстве своем пожилые люди. Могу назвать Галину Дакальскую, Миколу Пашкевича, которые взрослыми людьми получили образование здесь, у себя на родине, и уже много позже выехали в США. Конечно, эта страна наложила на них какой-то отпечаток, но в принципе они остались художниками белорусской школы.

— Можно ли сегодня говорить о белорусской школе живописи?

— Вопрос не простой. В Беларуси до революции национальной школы в плане художественного образования практически не существовало. Можно выделить, однако, такие школы как иконописи, скульптуры и резьбы. Это были действительно очень своеобразные явления. Скажем, белорусская икона имеет свои отличительные черты, свои особенности, она в корне отличается от иконы российской и по методу работы, и по канонам. Широчайшее применение своим способностям нашли в былые времена, особенно в XVII—XVIII веках, белорусские мастера резьбы по дереву. Это были мастера высокого класса — об этом говорит огромная коллекция белорусской деревянной скульптуры, которая находится в костелах. Значительная ее часть принадлежит двум нашим музеям — Национальному художественному и Академии наук. Кстати, работы белорусских мастеров можно было встретить во многих храмах за пределами Беларуси.

Что же касается школы живописи в современном ее понимании, то дело тут обстоит несколько иначе. По существу единственной серьезной школой изобразительного искусства была витебская школа: от знаменитой частной школы Ю.Пэна до предвоенного времени. Но в большинстве своем наши мастера, художники уезжали учиться в Петербург, Москву, за границу. Например, такие, как Хруцкий, Алешкевич, Горавский... И случалось так, что однажды уехав, эти художники больше на родину не возвращались. Пожалуй, единственным художником, который последние 30 лет жизни прожил в Белоруссии, вернувшись из-за границы, был Хруцкий. Он приехал на Полотчину, в свои родные Захарничи, там работал, писал.

Кстати, одна интересная деталь. За границей, в частности в США, до сего времени во многих музеях Шагал считается выходцем из России, а Сутин — из Литвы. Так что белорусская школа как таковая там во внимание не принимается.

— Юрий Александрович, мы говорили о коньюнктуре в искусстве... Сегодня меняются многие оценки. Не приходится ли и вам порой идти против совести?

— Мне не приходилось выполнять слепо то, что в свое время навязывалось. Сегодня же главная задача музейщиков — во всей этой кутерьме не дать погибнуть тому, что с таким трудом удалось собрать, сохранить. На это ведь ушли жизни многих людей. А были, признаться, и потери. В 50-е года по приказу Сталина был сделан за счет Беларуси подарок Беруту — переданы 83 портрета, которые находились в Несвижском замке. А иногда делалось и таким образом. Скажем, в Москву, на выставку, затребывалось какое-либо произведение, которое, по мнению московских специалистов, должно было находиться в Третьяковской галерее. Потом региональный музей получал приказ от Министерства культуры СССР о передаче этого произведения. Но о какой передаче могла идти речь — фактически оно уже не было нашей собственностью. По этой же схеме у нас был изъят один из прекрасных этюдов Сурикова «Натурщик со спины». С трудом удалось отстоять моей предшественнице Елене Васильевне Аладовой репинский портрет Андреевой...

Для меня такое состояние, когда думаешь одно, говорить приходится другое, а, извините, делать вынужден совсем уж третье — совершенно неестественно и неприемлемо. Да в нашей сфере это, видимо, и невозможно, ибо только истинные подвижники, каких у нас немало, могут с такой самоотдачей работать над созданием филиалов, по сути дела с нуля начиная реставрацию усадеб, замков... Это и музей Бялыницкого-Бирули в Могилеве, и музей народного искусства в Раубичах, и тот же Мирский замок. А быть подвижником и жить не в ладу с совестью — это нонсенс.

ВЫСТАВКА ГАЛИНЫ ТУРОВОЙ

Ученица известного живописца, профессора Академии искусств В.А.Громыко Галина Туровская выставила свои работы в галерее «Нагорная». Сейчас сделать выставку в Москве белорусскому художнику очень сложно. Но директора галереи Галину Александровну Свешникову привлек художественный уровень картин, и она предложила два зала для выставки. Были представлены работы из серии «Балет», навеянной творчеством белорусского балетмейстера Елизарьева: картины «Кармен-финал», «Дон Хосе и Кармен», «Кармен». Внимание публики также привлекли портрет народной артистки Беларуси Татьяны Ершовой, серия натюрмортов, картины «Глухонемая», «Девочка в розовом», «Портрет женщины в синем берете», «Дети Чернобыля», серия белорусских пейзажей.

Успех выставки был очевиден. Не случайно директор московской картинной галереи «Солнцево» А.И.Быстрицкий предложил свои услуги по организации новой экспозиции.

Картины Туровской находятся в частных коллекциях в Германии, Польше, Москве, Беларуси. Свое направление в искусстве художница называет символическим реализмом.

Алина Недвецкая

ПАРАЛЛЕЛИ

УЛЬДЕРИКО МУНЦИ

CORRIERE DELLA SERA

"МЫ ВСЕГДА БЫЛИ, ЕСТЬ И БУДЕМ КАННИБАЛАМИ!"

Так считает Пьер-Антуан Бернхайм, ученый, один из авторов книги «Каннибалы», изданной во Франции.

— Вы в этом уверены, мсье Бернхайм?

— Если в нашем генетическом коде это и не зафиксировано, то уж совершенно точно категорически не запрещено и даже допустимо.

Я смотрю на него с недоверием и сомнением. Но из разговора узнаю, что публикации книги предшествовали долгие поиски — только на работу в самых разных архивах Бернхайму и его соавтору Ги Стравиде понадобилось два года. Они составили обширную панораму истории антропофагии со времен первобытного человека вплоть до наших дней, когда на территории бывшего Советского Союза проходил процесс над известным Андреем Чикатило.

— Итак, мсье Бернхайм, каннибалы до сих пор живут среди нас?

— Конечно. Ведь в исключительных случаях, при определенных обстоятельствах человек, не испытывая особых мук совести, с готовностью приступает к поеданию себе подобных. Это выпало испытать на себе несчастному Джеймсу Куку, на свою беду слишком близко познакомившемуся с племенем кровожадных индейцев. Сегодня человечье мясо, увы, как говорят, едят в некоторых районах охваченной братоубийственной войной Югославии...

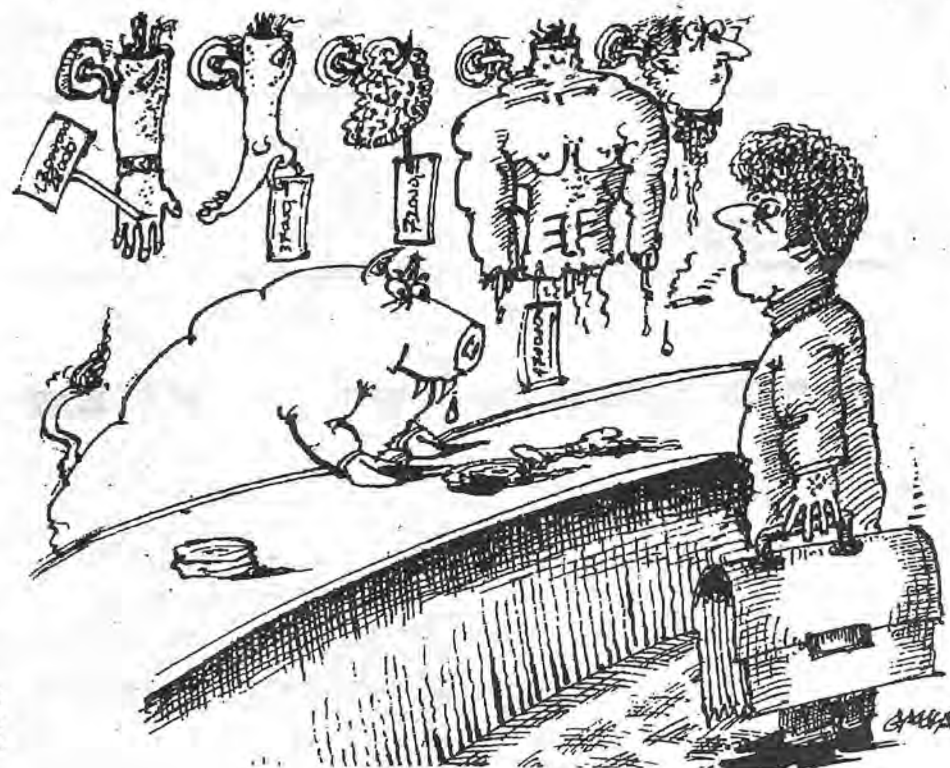
Да, мы утверждаем, что человеческие существа — и это относится не только к умственно неполноценным или психически больным, но и к абсолютно нормальным людям, — что человеческие существа могут совершенно свободно превращаться в каннибалов. Так случилось недавно с группой латиноамериканских футболистов. Самолет, на котором они летели, потерпел крушение и упал. Это произошло в Андах. Несколько человек чудом спаслись, но оказались высоко в горах, совершенно отрезанными от остального мира. Они выжили только благодаря тому, что поедали тела своих товарищей, погибших во время катастрофы. Об этом происшествии был снят фильм.

— Каннибализм — это ведь и религиозный акт?

— Да, вспомните хотя бы некоторые ритуалы, принятые в религиозной практике. Возьмем, например, католицизм. Разве во время причастия люди не превращаются в некотором смысле в каннибалов? Они пьют кровь Христа и вкушают от плоти его. Вы можете сказать, что это чисто символический акт. Однако такое утверждение опровергается религиозными документами, принятыми в 1215 и 1545 годах соответственно в Латеранезе и Тренто (Италия). Тех, кто пытался говорить, что это чисто символическое действо, католическая церковь на основании этих документов назвала еретиками. Протестанты же обвиняют католиков в том, что они тем самым допускают существование каннибализма. Вот какой пассаж есть в старинном катехизисе, изданном в XIV веке на французском языке и составленном в жанре вопросов и ответов. «Почему мы причащаемся плотью Христовой?» — вопрошает катехизис, обозначая понятие «плоть» словом «viande» ("мясо"). Интересен ответ: «Потому что мясо хорошо усваивается». Говорят, что святой Фома Аквинский, размышляя по поводу причастия, задает себе следующий вопрос: может быть, обряд придуман именно так потому, что верующие посчитают себя обманутыми в своих религиозных чувствах, если во время причастия не будут ощущать вкус мяса и крови?..

— Существует ли что-то подобное в других религиях?

— Судя по всему, самый строгий запрет на потребление человеческого мяса предполагает мусульманская религия. Однако случаи каннибализма наблюдаются и на земле ислама. В начале XIII века Египет поразила сильнейшая засуха, начался голод, да к тому же еще и вспыхнула эпидемия чумы. В это время наблюдался массовый исход населения из городов в сельские местности. Все эти события описал известный египетский ученый Абд-аль Латиф, живший в Каире. В своих записках он также свидетельствовал, что люди в то страшное время жарили детей и поедали их. Это осуждалось, каннибалов ловили и наказывали, но многим человеческое мясо даже нравилось. Как утверждает ученый, постепенно новая «мода» распространилась из Каира по всему Египту. Жертвами каннибалов становились не только дети, но и взрослые. Людей ловили специальными веревочными петлями, которые набрасывали на шею путника, если он имел неосторожность, проходя темной ночью по улице, слишком приблизиться к окну...

П. ГАЛКА

— Вы пытаетесь установить, когда каннибализм начал распространяться среди людей?

— Мы не ставили перед собой цель найти одну-единственную причину, которая бы объяснила возникновение каннибализма в разных частях нашей земли. Мы лишь пытались установить, кто и почему, исследуя самые различные свидетельства, записки, архивы. Кроме случаев, подобных тем, о которых я рассказывал, мы столкнулись с каннибализмом из мести. Он наблюдался, например, в период Французской революции, а также во времена Неаполитанского восстания 1799 года, когда консерваторы пожирали революционеров. Думаю, что истоки каннибализма определить очень трудно.

— А кроме религиозных мотивов, голода, мести, когда врага низводят до уровня животного и поступают с ним как с таковым, — есть ли другие причины, побуждающие человека пожирать себе подобных?

— Да, Например, любовь. В Бразилии до сих пор живут племена, которые испокон веков поедали — и поедают своих усопших родителей по причине исключительно сыновней или дочерней, это уж как придется — любви. Совершая этот обряд, отпрыски как бы тем самым «прячут», «сохраняют» умершего в собственных телах, чтобы не отдавать своих родных на позорное пожирание червям.

Каннибалами становятся и из-за любви к женщине. Повинный во многих убийствах американец Дэймер вводил в организм возлюбленной жертвы особые препараты, которые разрушали мозг, превращая его избранниц в зомби. Только после этого он мог любить их. А когда они умирали — это происходило довольно быстро, — расчленял их тела, складывал в холодильник и постепенно поедал. Известен случай японца Сагавы, который долго и упорно ухаживал за голландской девушкой. Как Сагава потом объяснял судьям, он убил ее, расчленил и ел по частям исключительно из-за того, что был в нее безумно влюблен и хотел таким образом окончательно соединиться с предметом своей страсти. Может быть, он намеренно лгал, а может быть, и не очень. Многие каннибалы действуют согласно формуле: «Я тебя люблю, потому и ем». Если проанализировать поведение влюбленных пар, можно убедиться, насколько они близко, хотя, может быть, и безотчетно, приближаются к каннибализму: «Ты такая вкусная (вкусный), так бы тебя и съел»... да еще и покусывая друг друга, иногда очень сильно, до синяков. Иначе как «предканнибализмом» такое поведение не назовешь.

— Говорят, некоторые едят человечину потому, что это очень вкусное мясо...

— «Попробовавшие» по-разному отзываются о впечатлениях. Кое-кто, например, эскимосы, говорят, что человечина сладкая, как конина, другие утверждают, будто это мясо по вкусу напоминает свинину. Это — свидетельство ацтеков, которым однажды дали попробовать свинью отбивную. Представители востока уверены: «это» похоже на говядину. О том же свидетельствуют выходцы из Нормандии, где, по рассказам, кое-кто еще помнит блюдо под названием «жареный сарацин». А вообще-то европейцы уверены, что человечина скорее всего напоминает дичину.

В общем, у представителей разных рас, попробовавших кушанья из этого продукта, ощущения разные. Возможно, это зависит от места проживания гурманов, а может быть, и от того, кого съели. Так, индейцам Океании белые не нравятся — мясо у них якобы очень соленое. Здесь предпочитают китайцев, которые питаются рисом.

— Так вы считаете, что людей едят до сих пор...

— Да, и повсеместно. Во время «культурной революции» в Китае из оппозиционеров готовили самые разные блюда — это была своеобразная вендетта. Часты случаи каннибализма среди курдов. До сих пор едят человечину в некоторых малодоступных регионах Новой Гвинеи и Амазонии. И в так называемых «цивилизованных странах», где, казалось бы, этого можно было ожидать меньше всего. Например, в Америке до сих пор существуют — и процветают — сатанинские культы, предполагающие пожирание человечьего мяса во время некоторых ритуалов. То же самое происходит в Африке. В сектах типа «Waco» каннибализм — явление естественное.

А в общем-то, принимая во внимание демографический взрыв, имеющий место на всех континентах, будущее, на мой взгляд, будет непременно отмечено грандиозными банкетами на базе человеческого мяса. Все зависит от обстоятельств... Ведь известно же, что на Украине, где в начале тридцатых годов свирепствовал голод, соседи поедали друг друга... К тому же исследования, проведенные учеными, показывают: наш прародитель, доисторический человек, был каннибалом. Кроме того, многие народы верят, что божества, которым они поклоняются, вовсе не запрещают им поедать друг друга.

ЖИРИНОВСКИЙ ДОБИВАЕТСЯ КОМПЕНСАЦИИ

ЛИДЕР ЛДПР ПРЕДЪЯВИЛ ИСК ШВЕДСКОМУ ТЕАТРУ В ХЕЛЬСИНКИ

В суде Хельсинки началось слушание гражданского дела, возбужденного против Шведского театра Владимиром Жириновским. Он счел себя оскорбленным спектаклем «Mein Kampf», в котором, как он утверждает, злоупотребили его именем и имитировали его голос. Он требует компенсации за нанесенный ущерб в сумме 7 млн. финских марок.

Адвокат Жириновского Джордж Пейл представил в суде в качестве вещественного доказательства магнитофонную ленту с записью фрагмента спектакля. В записи слышны популярные в третьем рейхе маршевые мелодии, смикшированные с голосом Гитлера, а потом Жириновского. Программа спектакля, по мнению адвоката, также оскорбляет его клиента. Жириновский в ней определяется как «ультранационалистический безумец», «фашистский демагог» и «могильщик демократии». Адвокат истца объявил, что его клиент особенно обижен сравнением с Гитлером. Его страна понесла урон от гитлеровского нападения больше всех других стран. Это сравнение оскорбляет также 25% российских избирателей, которые голосовали за Жириновского.

Адвокат ответчика Юхан Аальто отверг все обвинения. В сценическом монтаже «Mein Kampf», — заявил он, — имя Жириновского вообще не упоминалось. На представленной ленте слышен сначала голос Гитлера, затем Муссолини, далее анонимные голоса немцев, а в конце фрагмент речи Жириновского, который говорит, что народы России и Германии всегда связывала дружба. Поскольку спектакль затрагивает проблемы теологии, философии и политики, программа передает его тематику в более широкой перспективе и содержит высказывания автора спектакля Джорджа Табори, писательницы Элис Миллер, известного немецкого поэта прошлого столетия Фридриха Хелдерина, а также Жириновского. Текст, касающийся последнего, включает сокращенную публикацию из газеты «Дагенс Нихетер», о чем в программе открыто говорится. Цитирование в спектакле опубликованных политических заявлений не требует специального разрешения их автора, — заявил представитель театра.

После допроса двух свидетелей слушание было отложено до 10 ноября по просьбе адвоката истца. Жириновский добивается также компенсации от издаваемой в Хельсинки шведскоязычной газеты «Hufvudstadsbladet» и ее журналистки Ютти Зилиакус. Эти претензии станут предметом отдельного дела.

АНАТОЛИЙ РЕЗНИК

НАЦИОНАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ ИДЕАЛ АДАМА СТАНКЕВИЧА

Среди видных деятелей белорусского национального движения ксендз Адам Станкевич (1891—1949) выделяется в первую очередь своей разносторонней деятельностью. Один из основателей белорусской христианской демократии (БХД), депутат польского Сейма, создатель белорусской типографии имени Ф.Скарины и католического издательства, один из редакторов виленской газеты «Беларуская крыніца» — таков далеко не полный перечень аспектов его бурной деятельности.

Необходимо подчеркнуть принципиальность Станкевича, верность навсегда избранному курсу — служению белорусскому национальному делу. Когда в 1925—1926 гг. ему представился случай стать епископом в Минске, он не использовал эту возможность, на долгие годы связав свою судьбу с Вильной. Его подвижнический труд на религиозно-культурной ниве не вызвал симпатий у польских служителей церкви, и в 1938 г. он был выслан в Слоним. В 1939 г. Станкевич вновь переехал в Вильну, где продолжил свою деятельность в белорусской гимназии. Однако десять лет спустя был арестован, уже советскими властями, и погиб...

Теоретическое наследие Адама Станкевича — сложное явление. Оно не только мало изучено, но даже недостаточно систематизировано. Между тем только в 1925—1940 гг. он выпустил 16 книг и брошюр, в том числе работы, посвященные Ф.Скарине, Ф.Богушевичу, К.Сваяку, Б.Эпимах-Шипиле. Выделяется богатством содержания и взвешенностью оценок очерк «К истории белорусского политического освобождения» (Вильна, 1935). Эти и другие книги дают представление о мировоззрении Станкевича, которое определяют три главные идеи: независимость Беларуси, опора на исторические традиции, национально-религиозный синтез для белорусской церкви.

Отстаивая белорусскую независимость, он опирался не только на белорусскую католическую традицию, но и на наследие русского философа В.Соловьева. Согласно национальному принципу, которого придерживался Соловьев, все народы имеют право на самостоятельное существование и развитие. Но если для русского мыслителя важна была идея национальной самобытности, самоценности каждого народа (к идее государственной самостоятельности он относился скептически), то для Станкевича последняя имела существенное значение. Отсюда та высокая оценка, которую он дал третьей Уставной грамоте БНР, провозгласившей 25 марта 1918 г. независимость Беларуси в ее этнографических границах. В ней Станкевич усматривал «национальный принцип в рамках общечеловеческой солидарности», выражавший, по его мнению, волю белорусского народа. Любопытно в этой связи отметить, что он резко не противопоставлял идеал БНР идее советской власти. Критически относясь к БССР, он в то же время рассматривал ее как значительный этап на пути к полной государственной независимости Беларуси. На протяжении 1920—1930 гг. Станкевич особенно высоко оценивал национальную политику в БССР, достижения в области науки и культуры.

Разделяя основные положения Уставной грамоты БНР, теоретик БХД искал истоки национального идеала не столько в настоящем, сколько в историческом прошлом Беларуси. Наиболее отчетливо этот подход сформулирован в брошюре «Витовт Великий и белорусы» (Вильна, 1930). Здесь сделана попытка вывести своего рода ведущую историческую доминанту белорусского народа, его национальную константу. По мнению Станкевича, идея литовского князя Витовта — это идея национальной самобытности, прежде всего белоусского и литовского народов, которые в XIY—XYII вв. сообща боролись за независимость Великого княжества Литовского. Этому ключевому направлению политики Витовта, правившего в 1392—1430 гг., он противопоставил политику Ягайлы, короля польского (с 1386 г.), родоначальника династии Ягеллонов. Суть его политики Станкевич видел, напротив, в усилении могущества Польши за счет ущемления независимости Литвы и Беларуси. И если путь Витовта предоставлял возможности для свободного развития двух народов, то путь Ягайлы неизбежно приводил к установлению польского господства на белорусских и литовских землях.

Такое противопоставление двух вариантов «белорусского пути» является, на наш взгляд, в значительной мере условным. Несмотря на определенные различия во внешнеполитическом курсе, и Витовт, и Ягайла были прежде всего проводниками идей западной, римско-христианской цивилизации. И победа идеи Ягайлы в конце XYI в., пусть и не столь желанная для Станкевича, не поколебала основы его мировоззрения: только традиции западной культуры, идущие через Литву, могли стать опорой белорусов в борьбе за национальную самобытность и государственную независимость.

С выводом Станкевича о приоритете западных традиций тесно связана ключевая для него идея унии, которую он еще в 1919 г. назвал «символом возрождения белорусского народа». Ее наиболее полное изложение содержится в книге «Христианство и белорусский народ» (Вильна, 1940). Уния — соединение православной церкви со всемирной церковью католической, как это было в начале христианства, до раскола 1054 г. — могла бы оживить церковно-религиозную и духовную жизнь белорусов. Только в этом случае, считал он, православная церковь оторвалась бы от «московщины» и соединилась с душой белорусского народа. Ведь православие, по его мнению, являлось проводником русской политики на белорусских землях, средством денационализации населения. Этим обстоятельством Станкевич объяснял необходимость отделения от Москвы, чтобы белорусы могли исповедывать православие только на собственной, национальной почве.

С этой точки зрения он подходил и к оценке Брестской церковной унии 1596 г. С одной стороны, Станкевич вынужден был отчасти признать ее пагубные последствия, когда лучшие представители национальной интеллигенции стали отдавать свои силы на строительство польской государственности и культуры. В то же время его симпатии были на стороне унии.

Белорусские земли, считал он, уже в XIY—XYI вв. оказались — политически и культурно — отгороженными от византийско-московского влияния, а также от тяжелых последствий татарской неволи, приблизившись тем самым к западной цивилизации, а в религиозном плане — к римско-апостольской столице. Благодаря этому идея унии, чуть было не преданная забвению после кончины Витовта, вновь ожила в сознании белорусов во второй половине XYI века. И тот факт, что церковная уния просуществовала на белорусских землях довольно продолжительное время (1596—1839 гг.), подтверждал, по его мнению, силу униатской идеи. Как полагал Станкевич, униатская церковь на протяжении всех 243 лет являлась главной хранительницей белорусской национальности, дав ей верную церковную организацию с опорой на римский престол.

Оценивая концепцию унии, трудно согласиться с тезисом Станкевича, что основой для ее утверждения может стать восстановление такого положения единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, которое существовало до раскола 1054 г. Ведь и тогда в западной и восточной частях древней единой Церкви постепенно создавались свои традиции как в области церковного устройства, так и в сфере богослужения. Если на Востоке, в частности, сохра-

нялся принцип соборности, то в Риме можно проследить стремление папства к авторитарности. Разногласия между обеими церквями, которые отчетливо выявились уже в последней трети IX века (со времени четвертого Константинопольского собора), препятствовали установлению единства, а с середины XI века сделали его практически невозможным. Об этом Станкевич прямо не упоминал в своей книге, как и о том, что ни одна из попыток соединения двух Церквей в форме унии, будь то уния, провозглашенная на Лионском соборе 1274 г., или Флорентийская уния 1438—39 гг. не принесли желаемых результатов. Но главное — большинство населения, которое исповедовало православие, не приняло унии.

Что же касается церковной унии 1596 г., имевшей наиболее тяжелые последствия для православных, то аргументация Станкевича затушевывает ее подлинный смысл. Являясь не народным, а преимущественно клерикальным движением, униатство привело к расколу тогда еще западно-русской церкви на иерархию и народ. Но это был раскол не только по религиозному признаку. С национальной, белорусской точки зрения уния внесла разлад в самосознание народа. Пожалуй, наиболее точно эту мысль выразил видный теоретик БНР В.Ластовский в своем труде «История белорусской (кривичской) книги» (Каунас, 1926). Если Люблинская уния 1569 г., считал он, разрушила государственные устои ВКЛ, то уния 1596 г. завершила вызванный этим духовный раскол в обществе; княжество пришло в упадок, будучи отброшенным в своем развитии на два века назад. К этому можно только добавить, что обе унии способствовали резкому обострению межконфессиональной борьбы на белорусских землях, а впоследствии — жестокому преследованию православных. Но самое печальное следствие Брестской унии заключалось даже не в насильственном переходе чисто православного населения в униатство или в католичество, а в постепенном подчинении лучших интеллектуальных сил национально-политическому и культурному влиянию Польши. В этой связи заметим, что Станкевич не сумел подняться до понимания этого исторического события как подлинной драмы белорусского народа.

Тем не менее идея унии была положена в основу своеобразного национально-религиозного синтеза. Борьба за этот синтез — примирение православия и католичества на Беларуси — должна вестись, по мнению Станкевича, «по средней линии» между Москвой и Варшавой. Ведь национальная идея белорусов, как считал теоретик БХД, вытекала из политического и культурного противостояния между Востоком и Западом. Поэтому белорусский культурный тип должен был ассимилировать как восточные, так и западные традиции, поддерживая, таким образом, равновесие между двумя крупнейшими славянскими державами.

В историческом очерке «Белорусское христианское движение» (Вильна, 1939) он указывал на средства для достижения этой цели: развитие национального самосознания и опора на своих союзников, прежде всего на литовцев и украинцев, судьба которых также решалась в плоскости противостояния Восток—Запад. При этом ставил в пример белорусам Украину, которая, по его отнюдь не бесспорному мнению, уже достигла благодаря своей униатской церкви гармоничного развития национальной жизни.

Удалось ли Станкевичу осуществить в теории национально-религиозный синтез? Думается, вряд ли можно утвердительно ответить на этот вопрос. Его идеология представляется нам эклектичной. В ней сочетаются приверженность как идеалу независимости БНР, так и следование ушедшим в прошлое средневековым традициям. Но, главное, пожалуй, заключается даже не в этом. Из концепции Станкевича неясно, как можно совместить следование «по третьему пути», средней линии в политике и культуре, с пропагандировавшейся им ранее ориентацией на западные ценности и традиции? Помимо логической неувязки, такой подход приводит к обеднению белорусского национально-культурного типа. Выступая за фактическое подчинение его западной, римско-христианской цивилизации, Станкевич, по существу, игнорирует тем самым тесные и во многом плодотворные контакты с Москвой, неправомерно ратует за отрыв от русской культуры.

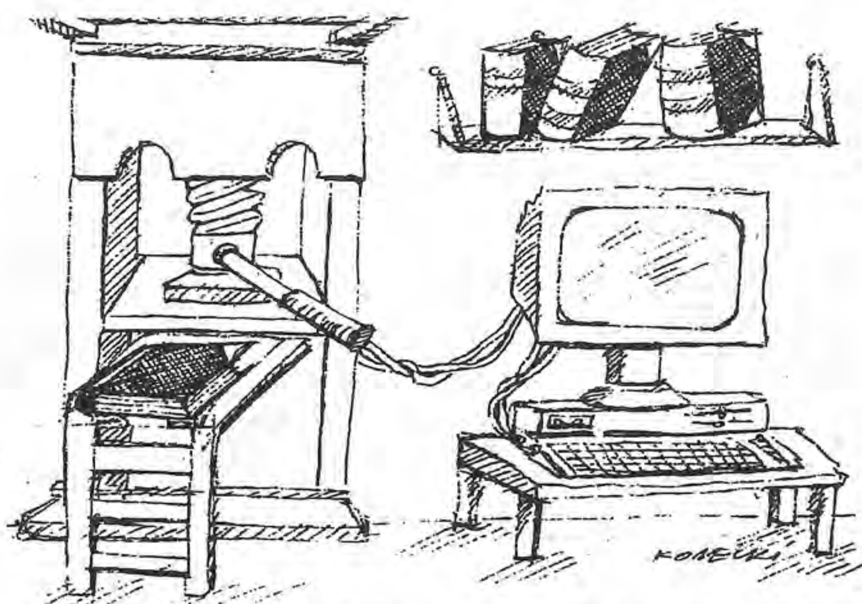
В то же время Станкевич нечетко представлял значение политического фактора в достижении синтеза. Так, неубедительным выглядит его тезис о том, что наднациональный характер римской церкви, сдерживая русификаторские тенденции, будет одновременно препятствовать и полонизаторским устремлениям. Он как бы упускал из виду тот факт, что польские клерикальные круги, насаждая вместе с католичеством свои порядки именно с санкции папства, препятствовали даже утверждению униатства в Западной Беларуси (на протяжении 1920—1930 гг.). Таким образом, Станкевич противопоставлял якобы благотворную политику римской церкви политике польских клерикалов, совершая тем самым методологическую ошибку, которая во многом лишает его концепцию доказательности и убедительности.

Объяснение этой ошибки, видимо, следует искать не в теоретическом, а в политическом аспекте. Концепция Станкевича создавалась в первую очередь в противовес русскому политическому и культурному влиянию, а также отчасти — тому социальному строю, который утвердился в БССР. Именно таким, очищенным от целого ряда наслоений и оговорок, представляется суть национально-религиозного идеала Адама Станкевича. Он был выразителем воззрений и настроений определенного круга белорусской интеллигенции, воспитанной на традициях западной христианской демократии. И в этом качестве его учение представляет значительный интерес.

РЕВОЛЮЦИЯ В ИЗДАТЕЛЬСКОМ ДЕЛЕ

Американская фирма Rank Xerox разработала фотокопировальное устройство, предназначенное для изготовления дубликатов различных административных отчетов. Устройство назвали DOCUTECH. Электронная память хранит все, что подается на копирование, устройство точно репродуцирует оригинал с двух сторон и изготавливает нужное количество экземпляров. Затем копии передаются в переплетный модуль и документ получается таким, как положено в издательском деле.

Это устройство попалось на глаза французу Анри Ле Муру, работающему в издательстве «Flammarion», и он понял, каким сокровищем для издателей может быть устройство DOCUTECH. Как известно, когда книгу читают, этому сопутствует «зачитывание», то есть физическая порча книги. Огромное количество книг, документов так «зачитано до дыр», что библиотеки позволяют пользоваться ими только на месте. И вот теперь возникла возможность «размножения клонированием». Произведение выходит из машины как точная копия оригинала. Если оригинал — банальная книжка, только изношенная, ее можно выбросить в мусорную корзину; если же оригинал представляет собой редкий экземпляр, его можно поставить на почетную полку, а на руки читателю выдавать мастерски изготовленную копию.

Открывается неисчерпаемая возможность - пирамиды книг, текстов, первых экземпляров будут теперь доступны для обычного смертного. С одного экземпляра давно не переиздававшейся книги можно сделать копии в достаточном количестве, определяемом потребностью, — одну, пять, сорок восемь. До сих пор старые книги были как бы потеряны. Новое издание было слишком дорого; о распечатке тиража можно думать только тогда, когда известен предполагаемый тираж - тысяча или две тысячи экземпляров, иначе нечего говорить о возмещении затрат, ведь даже издательские магнаты могут позволить только небольшие финансовые просчеты.

Есть книги, которые недоступны всем, кроме небольшого числа специалистов, их хранят в известных библиотеках, например, в библиотеке конгресса США, в библиотеке Ватикана, национальных библиотеках разных стран и т.д. Теперь, с технической точки зрения, эта проблема перестала существовать. Разумеется, если владельцы библиотечных редкостей согласятся на размножение своих сокровищ.

Новым копировальным устройством уже заинтересовались дельцы, почуявшие неплохой бизнес. Ведь некоторые издания стоят в антикварных магазинах и на аукционах сказочные суммы. Пираты покупают, например, альбом по искусству за 40000 долларов. Библиотека, даже богатая, не может потратить такую сумму на одну книгу. Поэтому пираты предлагают ей копию всего за пять тысяч, даже за четыре тысячи. Достаточно продать двадцать копий, чтобы получить около ста тысяч долларов.

Но есть признаки того, что такой дикий промысел долго не протянет. Уже сейчас большие издательства (среди них «Flammarion», «Albin Michel», «Gallimard», «Payot») создают группу, сотрудничающую с фирмой Rank Xerox. Ведь в этом деле у всех свой интерес. Прежде всего есть потребность у читателей. А издатели могут снова выбросить на рынок «забальзамированные» произведения, не годящиеся для массового переиздания. Если сам издатель выпускает дубликаты, пиратам делать нечего. Польза будет также посредникам, владельцы книжных магазинов смогут удовлетворить самый оригинальный спрос читателей. Воспользуются этим и библиотеки, которые обогатят свои собрания копиями недоступных до сих пор книг.

Вместе с тем устройство DOCUTECH станет конкурентом типографиям. Получат конкурента и электронные издания, размножающие книги на экранах; сейчас они недовольно посматривают на фотокопировальное устройство с переплетным модулем, поскольку уже надо считаться с тем, что снова возникнет спрос на книги, «появляющиеся из пропасти библиотек», как об этом говорили при появлении на рынке устройств CD-ROM. Последние должны были стать причиной второй демократизации книги — первой стало изобретение книгопечатания. Тем временем оказалось, что не все потянутся за компакт-диском с Библией Гутенберга, когда есть возможность взять в руки Библию в натуре. И потом, кто теперь уверен в том, что Библия Гутенберга окажется на компакт-диске? Сейчас при помощи устройства DOCUTECH можно уже не ждать электронного издания, а просто заказать нужную книгу.

ЧТО ДЕЛАТЬ С МОЗГОМ ВОЖДЯ?

Гений Ленина воплощен в 30 тысячах срезов мозга, хранящихся в течение 70 лет в лаборатории физиологии московского Института мозга. Мозг все еще ждет своего исследователя. Вопросы, поставленные многие годы назад, по-прежнему актуальны: откуда берутся у людей, которых возносит история, творческие способности, какие структуры составляют основу интеллекта? Можно ли пересадить мозг, то есть может ли мозг освоить новое тело? Институт располагает десятками красных папок, касающихся только мозга Ленина. Что в них содержится — все еще тайна.

Сейчас расходятся слухи, что только голова Ленина является «оригинальной», а все остальное тело создано искусственно. Кто, однако, сегодня помнит, что у вождя Октябрьской революции после смерти был вынут мозг, что его череп, хранящийся в мавзолее, безнадежно пуст? Душа Ленина, в которую он не слишком верил, отлетела в результате апоплексии 21 января 1924 г. После его смерти возник проект Института мозга. Специалисты поместили самый важный орган между стеклянными плитами в парафине, разрезав его предварительно на тонкие слои с помощью инструмента для микротомии. Они не сомневались, что имеют дело с исключительным образцом, который в результате исследования будет признан высочайше организованной структурой.

В 30-х годах в «Правде» появилась статья немецкого ученого Оскара Фогдта, в которой между прочим сообщалось: «Ленин был серьезно болен атеросклерозом, которым болели также его отец и брат. Сравнительный анализ показал, что число клеток его мозга и связей между ними было больше обычного. Считалось, что это является условием развития интеллектуальных способностей. Лобная часть мозга имеет большой объем, что объясняет его способность к быстрому анализу...»

Эти выводы вызывают сомнение у современных ученых. Нейрофизиологи считают, что такие понятия как размер, объем мозга или насыщенность клетками его коры не объясняют различий в умственном развитии. Кроме того, как можно точно сосчитать все клетки мозга? Как измерить элементы, связывающие нервные клетки? Достаточно назвать несколько чисел, чтобы дать понятие о сложности строения этого органа и его внутренних связей. Число клеток серого вещества очень приблизительно оценивается в 14—15 миллиардов. Средний мозг насчитывает от 1 до 2 км аксонов на куб.мм, а синапсических связей - до 7,2 в восьмой степени на куб.мм.

Конечно, нейрофизиология сейчас в состоянии оценить, какие потери понес мозг в результате прогрессирующей болезни. Однако среди ученых нет недостатка в оптимистах. Их утешает тот факт, что мозг не меняется, а научные достижения набирают темп. Исследователи располагают все более совершенствующейся аппаратурой (электронные микроскопы, методы сканирования). Некоторые охотно исследовали бы и недра мозга Сталина, но пока на это нет разрешения. Московский институт хранит мозг не только Ленина, но и еще 50 известных личностей: деятелей революции 1917 г., Надежды Крупской, Кирова, Жданова, артистов и писателей, таких как Маяковский, Горький, Станиславский, таких ученых как Павлов и Менделеев. Хранится там и мозг Андрея Сахарова, полученный институтом с разрешения Елены Боннер при условии, что «никакие его фотографии не будут публиковаться при жизни вдовы».

ВЫСОКО И ТИХО

Не обо всех достижениях науки и техники сразу сообщается публике. Однако через несколько месяцев кое-что просачивается в прессу. На американской базе военно-воздушных сил Эдвардс в Калифорнии выполнен испытательный полет самолета, приводимого в действие солнечной энергией. Полет продолжался 41 минуту со средней скоростью 30 км/ч на высоте 60 метров.

Машине дали название «Татфайндер». Самолет не управлялся человеком. Привод самолета представляет собой восемь двухлопастных воздушных винтов, приводимых в действие электродвигателями. Вся машина весит 200 кг, при этом состоит почти исключительно из крыльев — их размах составляет 30 м. В них вмонтированы солнечные батареи, преобразующие энергию излучения в электрический ток, питающий электродвигатели. Самолет поднял груз весом 50 кг.

Но самолет в будущем не будет летать так низко. Конструкторы обещают создать самолет, весящий 500 кг, летающий на высоте 25000 м со скоростью 100 км/ч. Крылья его будут иметь размах 60 м — это много, но ведь на них должно уместиться достаточное количество фотоэлементов. Грузоподъемность планируется довести до 100 кг. Этого достаточно, чтобы взять на борт телескоп, камеры, небольшой радар и теле- и радиопередатчик.

Испытания, проведенные на базе Эдвардс, конечно, не имеют ничего общего ни с гражданской, ни даже с военной авиацией, они связаны с с космическими исследованиями. Высокие и постоянно растущие затраты на запуск искусственных спутников Земли вынуждают исследователей искать альтернативные решения. Возвращается мода на аэростаты. Теперь, кажется, «солнечный» самолет сведет к минимуму огромные расходы, выделяемые на исследования, проводимые с помощью сателлитов.

Выше 15000 м начинается стратосфера, где нет атмосферных факторов, неблагоприятных для летающих машин. На большой высоте «солнечный» самолет будет иметь комфортные условия, поскольку в разреженной атмосфере тратится значительно меньше энергии на поддержание позиции в полете и преодоление сопротивления воздуха. Там царит низкая температура. В таких условиях производительность солнечных батарей гораздо выше, не говоря уже о том, что до них доходит более интенсивный поток солнечных лучей, не фильтруемый плотным слоем атмосферы вблизи поверхности Земли.

С научной точки зрения важен также тот факт, что для наблюдателя, находящегося на высоте 25000 м над уровнем моря, горизонт виден на расстоянии 600 км, то есть можно охватить одним взглядом страну больше Польши; на высоте 10000 м горизонт удален от наблюдателя на 350 км.

ПОЛЬША

КАНТОРЫ

RZECZPOSPOLITA

	USD Покупка	USD Продажа	DM Покупка	DM Продажа
Bialystok—Ocean	23050	23120	14800	14870
Bytom—Express	23020	23120	14770	14870
Gdansk—Max	23000	23100	14750	14850
Gdynia—Transfer	23000	23120	14770	14850
Krakow—Florianska 34	23030	23130	14830	14930
Nowy Sacz-Borys	23050	23150	14840	14930
Poznan—Gawronik	22950	23050	14790	14850
Rzeszow—plk.Lisa-Kuli	22950	23100	14750	14900
Stalowa Wola—Okulickego	23050	23100	14800	14850
Szczecin—Bank Pekao S.A.	22850	23050	14720	14860
Warszawa—Hotel W-wa	23100	23160	14820	14920
Wroclaw—Centur	22900	23150	14700	14800

КУРС ВАЛЮТ

С 5 октября по 11 октября таможенная и статистическая стоимость товаров в товарообороте с заграницей устанавливалась по курсу (в zl):

Американский доллар	23322
Немецкая марка	14965
Британский фунт	36768
Французский франк	4386
Швейцарский франк	17988

РУБЛЬ СТАНОВИТСЯ ФАЛЬШИВЫМ

Главное управление ЦБ России по г. Москве обнародовало данные о поступлении в московские расчетные кассовые центры фальшивых купюр. Основную массу выявленных фальшивок составляют купюры достоинством в 10, а не 50 тысяч рублей, как было ранее. Своеобразный рекорд принадлежит самодельным десятитысячным банкнотам с номерами ЕЧ 5831964 и ЕЛ 3842064.

При внимательном изучении у большинства поддельных купюр, просочившихся через фильтры коммерческих банков, проявляются стандартные слабые стороны фальшивок, изготовленных с помощью копировальной техники, в том числе непропечатка деталей, низкая стойкость красителей и смещенная печать. Однако встречаются и более совершенные образцы «самиздата», появившиеся в результате применения более оригинальной технологии. В частности, банки и их клиенты могут столкнуться с попытками сбыта фальшивых десятитысячных купюр, переделанных из подлинных, изъятых из обращения банкнот в 10 тыс. рублей образца 1992 г. Характерной особенностью таких «новоделов» является меньшая длина (они на 8 мм короче подлинных, имеющих хождение банкнот образца 1993 г.), на лицевой стороне на белом поле, как правило, отсутствует знак из переплетающихся букв «ЦБР» (хотя он может быть дорисован или надпечатан). Кроме того, серийный номер на фальшивках имеет черный или серый цвет, а на подлинных банкнотах он красный, традиционная надпись «подделка билетов...» на фальшивках напечатана на лицевой стороне синей краской (на банкнотах 1993 г. она нанесена фиолетовой краской на оборотной стороне). В отдельных случаях на таких поддельных билетах может стоять год выпуска — 1992-й.

Встречаются поддельные банкноты в 50 тыс. рублей, изготовленные на качественной, весьма схожей с гознаковской, бумаге способом плоской офсетной печати. Однако они также имеют заметные при внимательном рассмотрении признаки фальшивок. Например, формат бумаги и изображение на этих «самоделках» немного меньше, чем у подлинных купюр, при относительно слабой пропечатке деталей изображения не читается микротекст.

DM: ИЗЫМАЮТСЯ СТАРЫЕ БАНКНОТЫ

С 30 июня 1995 года в Германии перестают быть законным платежным средством и выводятся из налично-денежного оборота следующие банкноты:

— достоинством 5 марок с датами выпуска 2 января 1960 года, 2 января 1970 года, 2 января 1980 года.

— достоинством 10, 20, 50, 100, 500, 1000 марок с датами выпуска 2 января 1960 года, 2 января 1970 года, 1 июня 1977 года и 2 января 1980 года.

Изымаемые банкноты можно будет обменять на находящиеся в обращении купюры только в учреждениях Немецкого федерального банка.

РЕДАКЦИОННЫЙ ДНЕВНИК

БОТО КИРШ

В ГЕРМАНИИ ПРОЩЕ ДОБИТЬСЯ ОТСТАВКИ МИНИСТРА, ЧЕМ УВОЛИТЬ ЖУРНАЛИСТА

На базе Минского Международного образовательного центра (IBB) состоялся семинар по проблемам развития свободной прессы в странах СНГ. В нем, помимо белорусских, приняли участие журналисты из Германии, Англии, Франции, Италии. В этом номере «Европейского времени» мы публикуем фрагмент выступления редактора восточноевропейского отдела радиостанции «Немецкая волна» Бото Кирша, а также его ответы на вопросы, заданные корреспондентом нашей газеты. Нам представляется, что читателям будет любопытно сравнить этот материал со статьей из «Шпигеля» (о положении прессы в Германии), которую мы публиковали в сентябрьском номере.

Журналистика — опасная профессия. Причем не только в условиях диктатуры, но и в демократических странах. Трижды за последние 40 лет мне приходилось отчитываться перед немецким судом за поступки и высказывания, связанные с моей профессией. В двух случаях меня оправдали, один раз пришлось уплатить штраф. А начиналось все довольно безобидно. Я был молод, полон энергии. Крупная франкфуртская газета аккредитовала меня при правительстве одной из федеральных земель, с допуском на заседания земельного парламента. И тут одна известная ликеро-водочная фирма пригласила всех парламентских корреспондентов отметить ее 75-летний юбилей. Вечером жена меня встретила сюрпризом: по почте нам прислали целый ящик с образцами изделий этой фирмы, в том числе трехлитровую бутыль отменной вишневки. Я закатил жене скандал за то, что она вскрыла посылку, и отправил ящик обратно. На следующий день состоялся журналистский «суд чести», осудивший эту попытку подкупа.

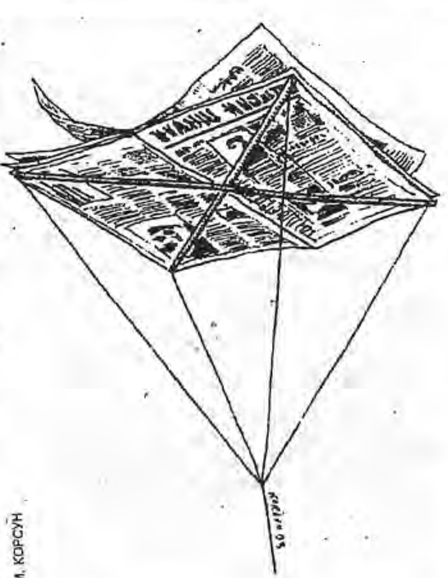
Прошло два года. Совершенно измотанный, я приехал на машине из Москвы во Франкфурт. За два дня до возведения берлинской стены советские власти выдворили меня из Москвы за некие «действия, несовместимые со статусом иностранного корреспондента». Звонок в дверь. Судебный исполнитель вручает мне повестку от главного прокурора Франкфурта. До истечения срока явки оставалось ровно двое суток. Дело было в следующем. За два года до того я печатно обвинил тогдашнего министра юстиции одной из федеральных земель в коррупции. Основную информацию получил от высокопоставленного чиновника министерства юстиции. Назвать его имя в суде я не мог, да и просто не имел права, ведь на карту была поставлена его карьера. Поэтому в суде я сослался на гарантированное законом право не раскрывать источник информации и отказался от дачи показаний. Решение суда гласило: 400 марок штрафа. Оплачивать публикацию опровержения мнимого «клеветнического навета» мне не пришлось только потому, что министр к тому времени скончался.

Теперь о третьем случае. В 70-е годы, после беспримерной кампании травли и нападок, продолжавшейся более пяти лет, мне дважды пришлось предстать перед кельнским судом. Обвинения были связаны с моей деятельностью на посту руководителя русской службы радиостанции «Немецкая волна». Предлогом стал иск об оскорблении личности со стороны одной русской эмигрантки. Я уличил ее в грубых искажениях текстов при переводе. А в узком кругу руководства радиостанции я высказал предположение, что мы имеем дело с попыткой вражеских спецслужб оказать влияние на нашу программу. В ходе расследования свидетелем обвинения против меня выступил даже сам тогдашний генеральный директор «Немецкой волны». Но на суд он не явился. Выступавший в качестве дополнительного истца бывший министр юстиции потребовал объявить мне пятилетний запрет на профессию по обвинению в пропаганде войны и межнациональной розни. Корреспонденты журнала «Шпигель», ТАСС и прокоммунистической «Volkszeitung» с нетерпением ожидали в зале суда приговора. Представить доказательства агентурной деятельности я не мог, однако сослался на «служебную тайну». Таким образом, обвинение в «клевете» отпало. Кроме того, независимый эксперт подтвердил факт намеренной фальсификации переводов. В результате отпало и обвинение в оскорблении личности. Дело пришлось закрыть, а судебные издержки отнести за счет государства. Впрочем, без приговора не обошлось: генеральный директор «Немецкой волны», уклонившийся от явки в суд, вынужден был внести 500 марок в государственную казну. Прокурор даже потребовал его привода с полицией. А представители обвинения прямо в зале суда поздравили меня с выигрышем дела.

Я позволил себе так подробно остановиться на этих случаях, чтобы продемонстрировать, что в демократических странах свобода печати — высочайшая ценность, охраняемая конституцией и органами юстиции. В демократических государствах прессу порой даже величают «четвертой властью». И действительно, в демократических странах журналисты пользуются определенными привилегиями, как, впрочем, и представители других профессий, например, адвокаты, священнослужители или врачи. В Германии проще добиться отставки министра, чем уволить с работы журналиста. Конечно, свобода прессы не гарантирует и от злоупотреблений. Они всегда были и, наверное, будут. Оскар Уайльд еще на заре нашего века сокрушался: «Раньше у нас были пытки, теперь их заменили газеты».

У всех на слуху упреки в адрес журналистов: и за сенсациями-то они гоняются, и мрачные тона обожают... То, что Гете говорил в свое время о литературе, можно в определенной мере отнести и к журналистике: мы определяем окружающий нас мир средствами своего внутреннего мира. А поскольку у каждого индивидуума свой собственный, отличный от других внутренний мир, то и внешние события каждый описывает по-своему. Воспитание, образование, национальная и религиозная принадлежность — все эти факторы неизбежно влияют на наши мнения и суждения. Абсолютная объективность — это лишь идеал, на практике выражающийся в попытках приблизиться к истине. Иными словами, истина, которой призван служить журналист, всегда субъективна. Я не собираюсь петь дифирамбы понятию субъективной истины. Истина, как и свобода, всегда должна быть и истиной инакомыслящего. Следовательно, истина, как таковая — это всегда сумма отдельных, частичных истин. Демократия живет спором мнений и разрешением конфликтов, а не прекраснодушными декларациями и благими намерениями. Поэтому пропагандистские кампании с идеологической подоплекой также достойны осуждения, как и чисто коммерческая погоня за массовым зрителем и читателем.

Призвание журналиста вовсе не заключается в просвещении невежественного человечества. Да и не такое уж оно невежественное. Задача журналиста — снабжать информацией гражданина. Иными словами, делать информацию достоянием общественности. Американский демократ Джордж Болл сформулировал это так: «Я нахожу разумным принцип доверять тем правительствам, которые доверяют собственному народу. Хорошо информированное общественное мнение — самое надежное средство защиты от непродуманных или агрессивных действий правительства». Свобода печати — такая же неотъемлемая часть демократии, как соль в океане. Еще в 1848 году первое в истории Германии национальное собрание во Франкфурте-на-Майне провозгласило свободу печати основополагающим правом немецкого народа. Даже в кайзеровской Германии пресса сохраняла свою свободу. Правда, в выходных данных газет указывалась фамилия «зитц-редактора», который отвечал за содержание номера. Передовицы и комментарии в оппозиционных изданиях обычно выходили без подписи автора. И ежели прокуратура усматривала в них крамолу, то в суд вызывали «зитц-редактора».

М. КОРСУН

И только при Гитлере свобода печати выродилась в пропаганду, все печатные издания и радиостанции заговорили одним языком. Немецкая общественность извлекла из этого уроки, не утратившие своего значения и поныне. Пятая статья Основного Закона ФРГ гласит: «Каждый гражданин имеет право свободно выражать и распространять свое мнение в устной, письменной или изобразительной форме». Ограничить это право может Конституционный суд ФРГ в ходе сложной и трудоемкой процедуры. До сих пор к ней прибегали крайне редко. Отцы Основного Закона прекрасно понимали: свобода слова и истина — две стороны одной медали. Ограничение свободы слова таит в себе риск искажения истины. И даже отдельные случаи злоупотребления свободой печати, как, например, вторжение в частную жизнь граждан, не оправдывает цензуры. Еще более ста лет назад Вильгельм фон Гумбольдт указывал: «Надо как можно проще и без излишних опасений определить, что же нам по закону расценивать как злоупотребление свободой печати». Немецкое законодательство учитывает этот совет. Оно предоставляет возможность опровергнуть ложные утверждения — например, путем изложения иного видения событий, опубликовать которое печать обязана. Кроме того, существует и добровольный самоконтроль журналистов. В Немецкий совет по печати, орган, созданный совместно союзами издателей и журналистов, ежегодно поступают 300—400 жалоб на злоупотребления свободой печати. Но справедливым признается лишь каждое третье заявление. Результатом может явиться общественное осуждение соответствующего печатного органа. Но даже если бы справедливыми были все эти 3 или 4 сотни жалоб, то это число не идет ни в какое сравнение с миллионами и миллионами ежегодно публикуемых сообщений, комментариев и статей.

Эти жалобы никак не могут оправдать государственный надзор за печатью, иными словами — введение цензуры. Один из немецких преподавателей государственного права свел различие между свободой печати в демократическом обществе и мелочной опекой ее при диктатуре к такой элегантной формулировке: «При диктатуре не все лживо, но в целом представление складывается превратное. В условиях демократического правового государства не все отвечает истине, но в целом задается верное направление. То же и со свободой печати. И в подцензурных средствах массовой информации не все сплошная ложь, но вся система порочна. С другой стороны, и в свободной печати не все следует принимать на веру, но вся система сориентирована в верном направлении».

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ ПЕРЕД ОТЛЕТОМ В БЕРЛИН

— Господин Кирш, каковы сегодня главные приоритеты в работе «Deutsche Welle» со странами Восточной Европы или, как говорят, бывшего посткоммунистического блока?

— Схема передач не изменилась, но главный акцент делается на поддержке демократических идей в России и странах СНГ, на защите прав человека. Вопросы диссидентства или идеологической конфронтации, которые преобладали в прежних передачах, отошли на задний план. Сегодня «Немецкая волна» видит свою главную задачу в информировании публики. Главное — объективное, актуальное, оперативное информирование, поддержка демократических сил и, конечно, борьба с национализмом и антисемитизмом.

— Предполагается ли открытие корреспондентского пункта «Немецкой волны» в Беларуси?

— Видите ли, с концом холодной войны снизился интерес западных правительств и западных финансовых организаций к финансированию зарубежных радиостанций, например, «Радио Свобода». Они перебрались в Прагу и очень резко сократили бюджет с 200 до 70 миллионов долларов, и меньше выделяют для «Немецкой волны». Мы также сократили число сотрудников, 10% уволили, послали на пенсию.

— То же, что у нас происходит. Сокращение штатов.

— И очень резкое сокращение бюджета. Кстати, и частные предприниматели сокращают штаты. Вместе с тем «Немецкая волна» увеличивает свои передачи на телевидении (мы вещаем по 14 часов). Это очень дорого стоит, в 10 раз больше, чем радио. Средства, которые мы экономим, используем для телевидения. «Немецкая волна» заключает контракты со всевозможными радиостанциями на территории СНГ. Например, с пятым каналом петербургского телевидения. Мы намерены сокращать венгерские передачи и всевозможные азиатские и африканские передачи, но не будем сокращать русские радиопередачи. Мы даже планируем увеличивать объем вещания и собираемся через несколько лет начать телепередачи на русском языке.

— Вы не первый раз в Минске. Приезжаете к нам с 60-х годов... Многие журналисты говорят, что изменения в Беларуси идут слабо, они мало заметны. И рыночные, и общественные. И все-таки, что удалось вам, как журналисту, подметить за те уже почти тридцать лет, что вы навещаете Беларусь?

— Знаете, есть такое библейское выражение: последние будут первыми. Я не считаю, что замедление темпов реформ здесь обязательно будет невыгодным. Вы ведь можете извлечь для себя уроки из неудач реформ в России и в других странах СНГ. Я лично думаю, что замедление реформ или какая-то стагнация — может быть, в какой-то степени и выгодны.

Spiritus flat ubi vult

Свободный дух веет, где хочет

«ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ»

Международное обозрение. Республика Беларусь. Издание зарегистрировано в Министерстве информации РБ, № 542

Учредитель С. В. БУКЧИН
Издатель:
Закрытое акционерное общество «Газета «Европейское время»

"СЧАСТЛИВЫЕ ВСЕГДА ПОТОМ РЫДАЮТ..."

Игорь Губерман — это тот случай, когда хобби стало судьбой, трагедией и счастьем. Свои хлесткие, афористичные «гарики» — четверостишия, названные в честь имени собственного, создавал в период застоя, за что попросили «посидеть», а потом — уехать. С 1988 года живет в Израиле, но говорит, думает и пишет по-русски и о России. Автор многих книг, пьес, и даже на Западе, как говорит сам с некоторым удивлением, живет литературным трудом. В вышедшей недавно книге «Гарики на каждый день» Губерман предупреждает: не следует читать ее в надежде на советы и рецепты, ибо умному они не нужны, а дураку не помогут.

Об остальном — в интервью Игоря ГУБЕРМАНА корреспонденту «Деловой Сибири».

— Есть ли у вас «гарики» для деловых людей?

— Да, у меня есть целая глава, посвященная этому, и называется она: «Если жизнь излишне деловая, функция слабеет половая».

— Каков ваш взгляд на нас оттуда?

— Вы переживаете сейчас то, что мы переживаем перед отъездом, тот трудный путь к свободе. И это не болезнь краха, увядания, а болезнь роста. У меня был такой стишок:

«Российской бурной жизни непонятность не выглядит ни крахом, ни концом. Я вижу в ней возможность, вероятность, стихию с человеческим лицом».

— Что для вас — свобода там?

— Очень трудно, потому что нужно нести ответственность за свои слова буквально юридически. У нас, например, есть система гарантов — если берешь в банке ссуду, двое за тебя подписываются. Попроси друзей — подпишется любой Вася, Миша, Петя... А потом, раз — и человек уезжает, «линяет» в Америку, и за него эти люди расплачиваются.

В американском бизнесе уже появилось негласное правило: «Ни одной договоренности с русскими без письменного, с адвокатом, соглашения». Мы привыкли, что государство — некий «огромный бандит», у которого красть не грех, и это уже неистребимо в нашем возрасте. Естественно, это переносится на деловые отношения, за что потом несем кару.

Другое — человек, завязанный в иерархии тоталитарного государства, ощущал свой престиж, включенность в систему связей. Например, завкафедрой, кандидат химических наук — большой человек. А там спрашивают: каков у вас индекс цитирования в мировой прессе? Ах, нет: значит, вы никакой не ученый.

В Америке мне показывали человека, который два года лежал на диване и ругал Америку за отсутствие культуры, за то, что она его не использует по назначению. Человек этот был специалистом по организации социалистического соревнования.

— Ваши впечатления о нас — с прошлого приезда.

— Здесь были в зале люди, которые не знали, можно ли смеяться, когда им хотелось смеяться, и вообще испугались, когда такое безобразие, как я, вылезло на сцену. Я их понимаю — шли и случайно попали на мой концерт, но это, не обижайтесь, напомнило мне ситуацию в Полтаве (не на Украине, где было замечательно).

В Полтаве на мой концерт пришло двести недоверчивых пожилых евреев, которые при первых звуках моих стишков восприняли меня как смесь инспектора с провокатором. Они сидели неподвижно, глядя мимо меня и не глядя друг на друга, боясь уйти, потом все же встали и ровными рядами вышли.

— До Красноярска вы собираетесь добраться?

— Директор Красноярской филармонии позвонил сюда и сказал фразу, которая напомнит вам шестидесятые годы: «Мы здесь с товарищами посовещались», и выступление Губермана в Красноярске признано нецелесообразным!

Игорь Губерман любит писать «вместе с классиками», считая, что о человеке можно судить и по тому, кого он цитирует. Вот что написано вместе с Н.А.Некрасовым:

«Он даму держал на коленях
И тяжко дышалось ему,
Есть женщины в русских селеньях —
Не по плечу одному».

Губерман предупреждает: среди его четверостиший часто попадается неформальная лексика.

«Дай, боже, мне столько годов,
А больше не надо ни дня,
Во сколько приличных домов
Вторично не звали меня»

Выступая, Игорь Губерман ссылается на авторитет великого знатока русского языка Юрия Карловича Олеши. Тот говорил, что не видел ничего смешнее, чем написанное печатными буквами слово «ЖОПА» (смех в зале). И еще добавляет свидетельство великого лингвиста академика Бодуэна де Куртене: "Это не менее красивое слово, чем »генерал" — все зависит от употребления". У самого Губермана — употребление адекватное. Негативное отношение к неформальной лексике, считает он происходит от богатства воображения, т.е. умения за словом тут же увидеть предмет..

Из главы

«Увы, но улучшить бюджет
Нельзя, не запачкав манжет.»
Есть мужички — всегда в очках
И плотны, как боровички
И сучья сущность в их зрачках
Клыками блещет сквозь очки.

* * *

Не зная покоя и роздыха,
При лунном и солнечном свете
Я делаю деньги из воздуха,
Чтоб тут же пустить их на ветер.

* * *

За страх, за деньги, за почет
Мы отдаемся невозвратно
И непродажен только тот,
Кто это делает бесплатно.

* * *

Такой подлог повсюду невозбранно
Фасует вместо масла маргарин,
Что кажется загадочно и странно,
Что нету кривоногих балерин.

* * *

Все достаточно сложно и грозно
В этой слякоти крови и слез,
Чтобы жить не чрезмерно серьезно
И себя принимать не всерьез.

Многие делят человека на две части и все, что ниже пояса, относят к нехорошему и запретному. Иллюстрация — анекдот: «Старушка, побывав у гинеколога: »Милый, а мать-то твоя знает, чем ты здесь занимаешься?"

А это — из вышеназванного И.Губермановом цикла: «Если жизнь излишне деловая...»

Не суйся запевалой и горнистом,
Но с бодростью и следуй, и веди.
Мужчина быть обязан оптимистом,
Все лучшее имея впереди.

* * *

Не жалею хмельных промелькнувших годов,
Не стыжусь их шального веселья;
Есть безделье, которое выше трудов,
Есть труды, что позорней безделья.

* * *

Так ловко стали пресмыкаться
Сейчас в чиновничьих кругах,
Что могут с легкостью сморкаться
Посредством пальцев на ногах.

АРТ БУХВАЛЬД

КАЖДЫЙ РАЗ, КОГДА ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ...

О средствах массовой информации:

— Каждый раз, когда что-то происходит в Вашингтоне, участвующие в этих событиях политики обвиняют средства массовой информации. Такие слова, как «безумие прессы», появляются везде в этом городе. Все, вовлеченные в это, верят, кажется, что их неприятности сразу исчезнут, когда репортеры закроют рты.

* * *

Об ожидающейся революции в средствах массовой информации, когда компьютерный бюллетень заменит обычную газету:

— Позвольте сказать прямо. Нет дня, который обошелся бы без плохих известий. Единственной вещью, которая спасает нас от паники, это то, что мы держим обеими руками газету, когда глазами отыскиваем страшные заголовки. Хватание обеими руками за стенки компьютера не заменит нам этого метода усмирения нервов.

* * *

О фигуристке Тони Хардинг, которую юморист безуспешно пытается устроить на работу в телерекламу после знаменитой аферы с коленом ее конкурентки Нэнси Кэрриган:

— Я решил, что лучший шанс у меня будет в фирме спортивного оборудования, например такой, как «Уилсон». Звоню и говорю: «Могу вам устроить Тони Хардинг за небольшие деньги. Она может вам рекламировать теннисные ракетки».

Джентльмен в фирме «Уилсон» выслушал вежливо и говорит: «Разве ее не дисквалифицировали за то, что она мешала расследованию по поводу нападения на ее конкурентку?»

«Да, у нее проблемы с фигурным катанием, — ответил я. — Но что касается тенниса, тут у нее документы в порядке».

Он мне отказал, сказав, что когда люди увидят Тони Хардинг на экране, подумают, что речь идет о регби, а не о теннисе.

* * *

О том, почему Олдрич Эймс мог долго и безнаказно продавать тайны ЦРУ на Восток (разговор с крупным чиновником ЦРУ):

— Вас не удивило, что он начал разъезжать по всей Северной Виргинии на «Ягуаре»?

— Он сказал нам, что выиграл его в лотерее на балу Американского легиона.

— А как насчет 540 тысяч долларов, за которые он купил новый дом? Это уж должно было вызвать тревогу.

— Да, до момента, когда он объяснил, что выиграл главный приз в юбилейном конкурсе фирмы, распространяющей прессу.

— Вы не расследовали эту историю, чтобы проверить, насколько она соответствует истине?

— Да нет. Зато мы организовали прием в честь супругов Эймс. Нечасто ведь бывает, чтобы кто-то выиграл миллион долларов...

— Правда ли, что Эймс давал своим начальникам 100 долларов чаевых за то, что запаркуют его «Ягуар»?

— Думаю, что нет. Такие сведения быстро разошлись бы по агентству.

Фрагменты фельетонов Арта Бухвальда взяты из «Los Angeles Times Syndicate».

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ

Главный редактор Семен Букчин
Адрес редакции: 220050, Минск,
ул.Володарского,5.
Тел.: 20-31-39
Для писем: 220100, Минск-100, а/я 338

Перепечатка материалов допустима только с разрешения редакции. Ссылки обязательны.

Индекс 63139 Тираж на русском языке 20000 экз. Цена 70 рублей
Газета отпечатана в типографии издательства «Белорусский дом печати»
220041, Минск, проспект Скорины, 79
Номер подписан в печать 18.10.1994 г. Зак. 1483/01

П 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
М 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12